

Перед вами сама ан-
не самая удачная серия
любимых приключенческих
романов со времен
«Трех мушкетеров»
Александра Дюма.

Анн Голон
МЯТЕЖНАЯ
АНЖЕЛИКА

Самая популярная романтическая сага всех времен.

Серж Голон
Анн Голон
Мятежная Анжелика
Серия «Анжелика», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128653

Анн Голон. Мятежная Анжелика: Центполиграф; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-389-10098-5

Оригинал: AnneGolon, "ANGÉLIQUE SE REVOLTE"

Перевод:

Алла Ю. Серебрянникова

Аннотация

Перед нами едва ли не самая удачная серия любовно-приключенческих романов со времен «Трех мушкетеров» А. Дюма. Недаром полвека спустя после нашумевшей экранизации «Анжелики» с Мишель Мерсье в главной роли французский кинематограф и режиссер Ариэль Зейтун с триумфом возвращаются к образу прелестной и своевольной героини Анн Голон.

«Мятежная Анжелика» – пятая из серии книг, открывшейся знаменитым историко-авантюрным романом «Анжелика – маркиза ангелов», на писанным Анн Голон. Зеленоглазая красавица, героиня историко-приключенческой саги вновь вступает в конфликт с королем Людовиком Четырнадцатым, который ждет ее возвращения в Версаль. Волею судьбы оказавшись в эпицентре событий, связанных с покорением Пуату и Ла-Рошели, Анжелика возглавляет мятеж доведенных до отчаяния протестантов. Живая и непокорная, она умудряется найти выход из самых безнадежных ситуаций.

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	10
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	26
Глава VI	36
Глава VII	42
Глава VIII	45
Глава IX	47
Глава X	51
Глава XI	55
Глава XII	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Анн Голон

Мятежная Анжелика

Anne Golon

ANGÉLIQUE SE REVOLTE

Copyright © Anne Golon, 1961

The Russian translation is done after the original text revised by the author

© А. Серебрянникова, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Часть первая Тлеющий огонь

Глава I

По приезде в Марсель посланец короля Франции господин де Бретеи, арестовавший Анжелику в Сеуте, приказал заключить ее в крепость Адмиралтейства.

Пока они находятся в этом городе, где раньше маркиза дю Плесси-Бельер так ловко провела королевскую полицию, благородный кавалер не будет иметь покоя.

И в этой мрачной зловещей камере бывшая пленница берберов, ценой таких страданий освободившаяся из гарема Мулая Исмаила, поняла, что ждет ребенка.

Эта уверенность появилась у нее на следующий день после заключения в цитадель, когда безысходность положения пойманного зверя предстала перед ней со всей очевидностью.

В тюрьме Адмиралтейства не существовало даже самых элементарных удобств. Хотя через железную решетку высоко расположенного окна виднелся квадратик голубого неба, Анжелике казалось, что она задыхается. Всю ночь, едва смыкались веки, у нее возникало отвратительное чувство, что она заживо замурована. На рассвете ее нервы, до того стойко переносившие напряжение, не выдержали.

В панике она бросилась к двери. В яростном отчаянии, молча колотила она по толстым доскам.

Неба! Неба! Свежего воздуха! Ее заперли в этом склепе, а ведь еще совсем недавно дни и ночи проводила она на просторах волшебной безграничной пустыни.

От этого контраста Анжелика впала в мучительную тоску. И, как обезумевшая птица в клетке, билась о ненавистные деревянные и железные преграды. Молча и беззвучно. Потому что удары по тяжелой двери ее почти прозрачных рук, еще хранивших следы испытаний, перенесенных в пустыне, создавали шума не больше, чем хлопанье птичьих крыльев. Ощувив боль в ободранных ладонях, она перестала стучать, отошла к стене и прислонилась к ней.

Анжелика переводила взгляд от двери к зарешеченному оконцу. Как изнывающему от жажды, голубое небо казалось ей чистой водой.

Но не придет Осман Ферраджи, чтобы отвести ее на плоскую крышу, где взгляд упивался обманчивым безбрежным пространством.

Ее окружали чужаки с мрачным взглядом и подозрительной душой. Из Парижа, от герцога де Вивонна, желавшего искупить прошлые упущения, на ее счет поступили самые суровые указания. Марсельскому Адмиралтейству предписывалось оказывать всяческое содействие господину де Бретею. Тщетно было бы пытаться расположить к себе кого-то, впрочем у Анжелики уже не было сил воспользоваться своими чарами. На нее навалилась страшная усталость, иногда ей казалось, что она никогда не испытывала ничего подобного, даже на тропинках Рифских гор.

Морское путешествие из Сеуты в Марсель с передышкой в Кадиксе оказалось сплошным мучением, ее мужество постепенно таяло. Неужели, арестовав ее именем короля, господин де Бретеи уничтожил те пружины, которые позволяли вернуться к жизни?

Анжелика подошла к своему ложу – очень жесткому тюфяку на откидной полке, но не это ее беспокоило. Ей спалось на нем даже лучше, чем на мягких диванах, и мечтала она только о поросшем травой склоне под кедрами, чтобы дать покой своему разбитому телу.

Ее взгляд вновь обратился к двери. Сколько же в ее жизни запертых дверей! – подумала она. И каждый раз все более тяжелые, все более глухие. Может быть, это насмешка судьбы, которая наказывает ее за то, что в Монтелу она, босоногая девчонка, носившаяся по лесным тропинкам, так страстно любила свободу, что крестьяне даже считали ее колдуньей?

«Тебе не уйти», – говорили двери. И всякий раз, как ей удавалось бежать, возникала новая дверь, еще более массивная. После преграды под названием «нищета» возникла новая – «король Франции», потом решетки гарема Мулая Исмаила, а сегодня вновь препятствие по имени король Франции. Неужели оно окажется непреодолимым?

Она вспомнила о Фуке, о маркизе де Варде, о похожем на блуждающий огонек шевалье де Лозене, также находившихся в заключении недалеко отсюда, в крепости Пиньероль, – обо всех тех, кто расплачивался годами жизни в заточении за поступки куда менее дерзкие, чем ее собственные.

Ее угнетало чувство одиночества и бессилия. Ступив на французскую землю, она вернулась в тот мир, где мужчинами управляют только два чувства: страх перед королем или любовь к королю. Над их поступками главенствует закон властелина.

На этих берегах не ценились ни физическая и духовная сила Колена Патюреля, ни его необыкновенная доброта, ни его острый ум. Любой безмозглый хлыщ в кружевных манжетах и парике стал бы его презирать.

Здесь Колен Патюрель был бессилен. Он оставался просто бедным моряком. Даже воспоминание о нем не могло помочь Анжелике. Он исчез для нее безвозвратно, как если бы умер.

Анжелика тихонько позвала:

– Колен, Колен, брат мой!

Ее охватила столь сильная тревога, что она покрылась холодной испариной и совсем ослабела.

И тогда в голову закралась мысль, что она беременна.

* * *

В Сеуте отсутствие некоторых обычных проявлений женского организма Анжелика отнесла на счет своего здоровья, подорванного нечеловеческой усталостью. Но теперь, по прошествии времени, появилось другое объяснение, исключавшее любые сомнения.

Она ждала ребенка.

Дитя Колена Патюреля! Дитя пустыни! Она замерла, свернувшись комочком на своем ложе, позволяя внутреннему смятению превратиться в уверенность. И неожиданное открытие все разрасталось, заполняя ее целиком...

Сначала возникло удивление, потом странный покой и, наконец, радость.

Это открытие могло бы вызвать неудовольствие, чувство стыда, усилить отчаяние. Но появилась радость.

Сердцем она, сбежавшая пленница, закутанная в бурнус, еще оставалась в пустыне. Она не готова облачиться в наряд великосветской французской дамы. Часть ее души еще пребывала с нормандцем под волшебным ночным небом, усыпанным золотыми звездами, и соединявшая их сила любви имела привкус смерти и вечности.

Ее платье с корсетами по французской моде, ее расшитые золотом манто и украшения, в которые она нарядилась в Сеуте, скрывали обветренную кожу, глубокую рану на обожженной ноге и медленно заживавшие рубцы от кнута.

На ногах, обутом в изящную обувь, еще оставались жесткие мозоли, возникшие от ходьбы босиком по каменистым тропинкам Рифских гор.

Анжелика с восторгом подумала, что, родившись, это дитя послужит вечным напоминанием о ее немыслимой одиссее. Ребенок будет светловолосым, крепким и сильным.

И не важно, что он окажется бастардом. Благородство того, кого пленники звали «королем», сближало его в добродетелях с крестоносцами, чья кровь текла в жилах Анжелики де Сансе де Монтелу.

Сын унаследует и его силу, и его голубые глаза. Маленький герой Геркулес, потрясающий палицей, душащий змей, озаренный солнцем Средиземноморья!..

Он будет прекрасен, как первое дитя, рожденное на земле.

Она уже видела все это и восхищалась его подвигами. Ради него, через него она вновь обретет силы и будет бороться за его свободу.

Отдавшись своим немного безумным мечтам, Анжелика долго оставалась неподвижной, забыв о тюремных стенах и по временам разговаривая вслух.

«Пусть ты бросил меня, Колен, – говорила она, – пусть ты мною пренебрег и отверг меня. Ты все равно останешься со мной, мой спутник, мой друг...»

* * *

Через несколько дней из Марселя выехала по Авиньонской дороге карета с решетками на дверцах и с черными занавесками на окнах. Ее сопровождал надежный эскорт из десятка мушкетеров. Господин де Бретей сидел в карете рядом с Анжеликой. Он очень спешил.

Ему столько наговорили о необыкновенной ловкости и коварстве мадам дю Плесси-Бельер, что он ежеминутно ожидал ее побега. Им владела одна мысль: скорее завершить свою миссию.

Его беспокоило, что молодая женщина с трудом, казалось, преодолевала усталость. Он готовился к худшему, видя, что она держится с ним открыто, а иногда и заносчиво. Не ждала ли она помощи от своих сообщников?

Не лишним будет упомянуть, что на остановках он спал вполглаза под дверями ее комнаты.

Если предстояло ехать через лес, где могли напасть бандиты и освободить пленницу, он добивался у губернатора ближайшего города дополнительного отряда солдат. Это походило уже на военную операцию. На городских площадях собирались зеваки, чтобы поглазеть на особу, которую столь старательно охраняют. Господин де Бретей бушевал и платил стражникам, чтобы те ударами алебард разгоняли людей, но это только разжигало любопытство и увеличивало толпу.

Господин де Бретей недосыпал, его снедало беспокойство, и единственный выход из этой ситуации он видел в спешке. Теперь они всего на несколько часов останавливались на ночь на постоялом дворе, откуда предварительно выгоняли всех проезжающих, а за хозяевами зорко следили. Днем лошади не останавливались ни на минуту. Чтобы избежать покушений на остановках, высланный вперед курьер заранее подготавливал новых лошадей. Анжелика, измученная ухабистой дорогой, изнемогающая от этой безумной бесконечной поездки, пыталась возражать:

– Вы убьете меня, сударь! Прошу вас, остановимся на отдых хоть на несколько часов. У меня нет больше сил.

Господин де Бретей насмешливо отвечал:

– Вы так нежны, мадам! Разве вы не переносили и большие тяготы в Королевстве Марокко?

Анжелика не посмела сказать, что беременна.

Уцепившись за скамейку или за дверцу, задыхаясь от пыли, она молилась, чтобы окончилось это адское путешествие.

Однажды вечером, после изнурительного дня, карета, мчавшаяся галопом по вершине холма, резко накренилась на повороте и опрокинулась. Кучер вовремя оценил обстановку и удержал упряжку. Удар оказался менее сильным, чем можно было ожидать, но Анжелика, отброшенная к обрыву, сразу почувствовала, что дело плохо.

Ее поспешили извлечь из кареты и уложить на траву на пологом склоне.

Господин де Бретей, бледный от страха, склонился над ней. Король ни за что его не простит, если мадам дю Плесси умрет. С неожиданной ясностью он понял, что речь идет о его голове, и ему показалось, что он уже ощущает на своем затылке холод топора палача.

– Мадам, – умолял он, – вы ушиблись? Но ведь не сильно, правда? Удар был совсем слабым.

В отчаянии Анжелика закричала чужим изменившимся голосом:

– Это вы виноваты, дурак! Ваша адская спешка!.. Вы все у меня отняли. По вашей вине я лишилась всего... Негодяй!.. – И, вскинув руки, она вцепилась ногтями ему в щеки.

* * *

На импровизированных носилках солдаты донесли ее до ближайшего города. Увидев кровь на платье, испуганные мужчины решили, что пленница серьезно ранена. Но вызванный хирург осмотрел ее и заявил, что это не его случай и что надо звать повитуху.

Анжелику уложили в доме мэра. Она чувствовала, что ее покидает не только та, новая, жизнь, но и ее собственная.

Запах капустной похлебки наводнял стены этого простого городского жилища и усиливал позывы к тошноте и отвращение ко всему на свете. Иногда над ней нависало красное и потное лицо повитухи под белым крестьянским чепцом. Оно резало ей глаза, как лучи заходящего солнца. Всю ночь добрая женщина отчаянно боролась за жизнь этого странного, словно неземного существа с рассыпавшимися по подушке волосами цвета меда и лунного света и с удивительно загорелым лицом. Загар выступал темными пятнами на восковом лице, глаза ввалились, и лиловые пятна покрывали уголки губ. Повитуха распознала стигматы смерти.

– Не уходи, малышка, – прошептала она, склонившись над Анжеликой, лежавшей почти без сознания, – не уходи...

Молодая женщина с полной отрешенностью смотрела на движущиеся вокруг нее тени.

Вот ее поднимают, стелют под ней чистые простыни, и в теплом сияющем танце проплывает медный диск грелки.

Ей стало лучше, и холод перестал леденить члены. Ее растерли, дали выпить бокал теплого вина с пряностями.

– Выпейте-ка, малышка, надо восстановить кровь, вы немало ее потеряли.

Она почувствовала пряный запах вина, запах корицы и имбиря...

Ах! Запах пряностей... Аромат дальних странствий!.. С этими словами умер старый Савари.

Анжелика открыла глаза. Перед нею большое окно с тяжелыми шторами. За стеклами густой туман, похожий на дым.

– Когда наступит день? – прошептала она.

У изголовья краснощекая женщина смотрела на нее с явным удовольствием.

– Да он уж давно наступил, – весело откликнулась она, – а вы видите туман над рекой. Прохладно сегодня. В такую погоду лучше оставаться под периной, чем тащиться на почтовых. Я смотрю, вы правильно выбрали денек. Теперь, когда вы выбрались из переплета, можно сказать, что это происшествие удачно завершилось. Вы от него избавились.

Увидев отчаянный взгляд, удивленная повитуха продолжала:

– Да чего там! Для знатной дамы вашего ранга ребенок всегда обуза. Уж я-то кое в чем разбираюсь! Меня многие просят освободить их от плода. А для вас все уже и кончилось. И без мучений, хотя вы и заставили меня поволноваться!

И, смутившись молчанием своей подопечной, она добавила:

– Поверьте мне, дамочка, жалеть-то не о чем. Дети только усложняют жизнь. Если они нежеланные, то это помеха. А если желанные, то делают вас слабой. – И, пожав плечами, она заключила: – И будет об этом! Если уж вы так опечалились, моя красавица, так это ведь вовсе не повод, чтобы не сделать себе нового!..

Анжелика до боли стиснула челюсти.

Значит, ребенок Колена Патюреля никогда не родится.

Теперь у нее действительно ничего не осталось.

Ничего! В ней закипало дикое чувство, близкое к ненависти, и оно спасло ее от отчаяния. Оно походило на бешеный поток, еще не вошедший в каменное русло, но это чувство вернуло ей желание бороться. Неистовое желание выжить ради отмщения – отмщения за все.

Потому что, несмотря на то что она перенесла, Анжелика ясно понимала, что ее свободе грозила серьезная опасность. Скоро по требованию властителя королевства ее вновь повезут в окружении вооруженных стражников как самую вероломную из подданных его величества. И какое наказание, какая темница ждет ее в конце пути?..

Глава II

В ночи раздался дрожащий зов, какое-то время звучал, а потом затих, словно лишился сил.

«Лесная сова, – подумала Анжелика. – Она охотится...» Вновь прозвучал птичий крик, бархатистый, слабый и далекий, приглушенный радужным туманом лунного света.

Анжелика приподнялась на локте. Возле ее тюфяка, лежащего прямо на полу, блестели черно-белые мраморные плиты пола, в которых отражалась мебель.

Через открытое окно в комнату вливался мягкий молочный свет. Он разливался по комнате, теснил мрак, принося волшебство весенней ночи. Молодая женщина, привлеченная лунным светом, встала и, с трудом сохраняя равновесие, неуверенными шагами призрака подошла к серебристому лучу. Оказавшись в его потоке, озаренная взошедшей полной луной, она покачнулась и оперлась о подоконник.

Перед ней под ночным небом расстилались сумрачные просторы, рассеченные неподвижными кудрявыми купами деревьев, похожими на купола. Ветви, подобные высоким канделябрам, покрывала роскошная весенняя листва. Среди толстых стволов, которые, словно колонны, поддерживали своды этого темного храма, открывалась лужайка, залитая луной.

– Это ТЫ! – выдохнула Анжелика.

С соседнего дуба вновь донесся крик совы, неожиданно резкий и хорошо различимый. Казалось, он принес ей привет Ньельского леса.

– Это ты, – повторила она. – Ты! Мой лес! Ты, мой Бокаж!

Пробежал очень слабый, едва уловимый ласковый ветерок. Его нежное дыхание ощущалось только в волнах аромата цветущего боярышника.

Анжелика глубоко вздохнула. Ее иссушенные легкие с наслаждением наполнились нахлынувшими потоками спасительной свежести. Они несли дыхание источников и запахи пробуждающихся соков новой жизни.

Слабость отступила, Анжелика отошла от окна и огляделась. Над альковом, на картине в золоченой раме резвился в обществе богинь юный бог-олимпиец. Она в Плесси. Это та же комната, откуда – уже так давно! – шестнадцатилетняя Анжелика, маленькая любопытная дикарка, подсматривала за любовными утехами принца Конде и герцогини де Бофор.

И на этих самых черно-белых мраморных плитах пола, в которых отражалась прекрасная мебель, лежала она, как и сегодня, страдающая, обессиленная и побежденная, когда красавец Филипп, ее второй супруг, так жестоко отпраздновав их брачную ночь, удалялся, пошатываясь, по коридорам замка.

И в этой же комнате переживала она тяготы второго вдовства, прежде чем, словно замороженная, уступила соблазнам Версаля.

Анжелика вновь опустилась на свое ложе. Его жесткость неожиданно даровала ей долгожданный отдых. Одним ловким движением, которому научилась в пустыне, она, как зверек, свернулась клубком, завернувшись в одеяло, как в бурнус. Тревога, преследовавшая ее в полубреду болезни, сменилась глубоким покоем.

«Дома, – подумала она, – я вернулась домой... Здесь все может случиться».

* * *

Когда она проснулась, уже сияло солнце и разносились обычные жалобы служанки Барбы:

– Взгляните-ка на бедную мою госпожу... Каждый день одно и то же! Ну не горе ли это!.. На земле, как собака! Как я ни заправляю ей каждый вечер одеяло, она вечно умудрится, стоит мне только отвернуться, стащить тюфяк на пол и улечься на нем, как больной зверь. «Если б ты только знала, Барба, как чудесно спать на земле, – говорит она, – если б ты только знала, как это чудесно!» Вот ведь несчастье-то! А она ведь так любила удобства, всегда-то ей и перин не хватало, чтобы согреться. Ах! Поверить нельзя, что эти варвары сделали с ней меньше чем за год. Так и передайте это королю, господа хорошие!.. Моя хозяйка такая красавица, такая неженка! Вы ведь, судари мои, видели ее раньше в Версале, а сегодня можно ли без слез смотреть на нее? Я бы и не поверила, что это она, если бы она не делала все по-своему, что бы ей ни говорили! Нет, те дикари и жить-то не должны... Королю следует их покарать, господа хорошие!..

Возле убогого ложа Анжелики выстроились три пары башмаков и пара сапог. Она узнала башмаки с красными каблуками и позолоченными пряжками, принадлежавшие господину де Бретею, но другие были ей незнакомы.

Анжелика подняла глаза. Над сапогами возвышался пузатый тип, рыжеволосый, с красной усатой физиономией, в синем офицерском плаще с широкими рукавами, перетянутом ремнем.

Касторовые башмаки с серебряными пряжками, строгие и как раз такие, какие подходят тощим икрам в черных чулках, указывали бы на личность придворного праведника, если бы Анжелика тотчас не признала в их владельце маркиза де Солиньяка.

У четвертого персонажа, также в башмаках с красными каблуками, но с бриллиантовыми пряжками, над большим, немного потрепанным кружевным воротником возвышалось лицо военачальника, тонкое и суровое, строгость которого подчеркивалась седой бородкой.

– Мадам, позвольте представиться, – поклонившись молодой женщине, расprostертой перед ними на полу, заговорил он. – Я маркиз де Марийяк, губернатор Пуату, уполномочен его величеством передать вам приказы и решения, принятые его величеством на ваш счет.

– Не могли бы вы, сударь, говорить погромче, – произнесла Анжелика, подчеркивая свою слабость. – Ваши слова до меня не доходят.

Господин де Марийяк, дабы быть услышанным, принужден был опуститься на одно колено. Его спутникам пришлось последовать его примеру. Смежив ресницы, Анжелика наслаждалась зрелищем четырех гротескных коленопреклоненных фигур. Она еще больше развеселилась при виде распухшего лица де Бретея с красными следами царапин от ее ногтей.

Между тем губернатор, сломав восковые печати, развернул свиток и откашлялся.

«Госпоже дю Плесси-Бельер, нашей подданной, повинной в серьезном неподчинении, что вызвало наш гнев. Мы, король Франции, вынуждены писать эти строки, дабы сообщить о наших чувствах, каковые, по ее утверждению, ей неведомы, и указать способ, коим ей надлежит выразить свою покорность.

Мадам,

велико было наше огорчение, когда несколько месяцев тому назад вы отплатили неблагодарностью и неповиновением на те благодеяния, каковыми нам угодно было осыпать как вас, так и ваших родных. Вы пренебрегли полученным приказом не покидать Париж. Однако разве этот приказ не был продиктован желанием уберечь вас – зная вашу природную импульсивность – от вас же самой и от тех необдуманных поступков, каковые вы могли бы совершить? И вы их совершили! Вы устремились навстречу опасности и тем разочарованиям, от коих мы

желали вас оградить, за что оказались сурово наказаны. Отчаянный призыв, обращенный к нам через посредство настоятеля братства Пресвятой Троицы, преподобного отца де Валомбреза, вернувшегося из Марокко, сообщил нам о том печальном положении, до которого довели вас ваши необдуманные поступки. Находясь в плену у берберов, вы начали осознавать степень ваших заблуждений и с присущим особам вашего пола легкомыслием обратились за помощью к суверену, над которым ранее насмеялись.

Из уважения к тому великому имени, носительницей коего вы являетесь, а также из чувства дружбы, некогда связывавшей нас с маршалом дю Плесси, и, наконец, из жалости к вам самой, все так же остающейся одной из наших возлюбленных подданных, нам не было угодно принуждать вас нести все тяготы заслуженного наказания, оставив на произвол жестоких варваров. Мы откликнулись на ваш призыв.

И ныне вы живы и невредимы и находитесь на французской земле. Мы выражаем тому свое удовлетворение.

Однако будет справедливо, если и вы выразите нам публичное покаяние.

Мы могли бы предписать вам провести некоторое время в монастыре для осознания своих поступков. Но при мысли о перенесенных вами страданиях мы отказались от этого намерения. Мы предпочли отправить вас в ваши владения, понимая, что родные края могут стать лучшими советчиками. Но не считайте это ссылкой. Вы должны там оставаться только до того дня, когда по собственной воле вы отправитесь в Версаль, где выразите свою покорность. В ожидании этого дня – каковой мы желали бы видеть недалеким – офицер, назначенный господином де Марийяком, губернатором провинции, будет выполнять над вами надзор...»

Господин де Марийяк прервался, поднял глаза и произнес, указывая на толстого военного:

– Позвольте вам представить, мадам, капитана Монтадура, которому я счел своим долгом доверить честь быть вашим стражем.

В этот самый момент капитан пытался переменить одно колено на другое, испытывая страдания от положения, непривычного для его пузатого тела. Он едва не упал, с трудом удержался и заверил зычным голосом, что он к услугам маркизы дю Плесси.

Но он напрасно старался. Анжелика, все так же свернувшись комочком под одеялом, не открывала глаз и, казалось, дремала.

Господин де Марийяк стоически продолжал чтение:

«Теперь мы изложим в нескольких словах тот способ, коим мадам дю Плесси надлежит выразить свою покорность. Беспокойное поведение членов ее семьи, один из коих недавно дошел до оскорбления его величества, слишком хорошо известно, чтобы эта покорность не несла в себе оттенка, каковой заставит умы размышлять о прискорбных примерах, способных увлечь на скользкий путь неповиновения.

Мадам дю Плесси нанесла нам публичное оскорбление, а посему и удовлетворение за оскорбление должно быть публичным.

Ей следует прибыть в Версаль в карете, украшенной черным. Карета остановится за пределами ограды, без права въезда в парадный двор.

Мадам дю Плесси надлежит одеться в скромный туалет темных тонов.

В присутствии всего двора она подойдет к королю, преклонит колена, поцелует руку и вновь принесет клятву вассала и преданной подданной.

Кроме того, от нее потребуются принести в дар короне одно из ее владений в Турени. Во время этой церемонии дипломы и контракты этой уступки прав на владение должны быть вручены нашему обер-камергеру в знак клятвенного обещания верности и публичного покаяния.

Отныне мадам дю Плесси-Бельер надлежит проявлять служение своему государю с той верностью, каковую мы желаем видеть безупречной. Она останется в Версале и удовлетворится теми титулами и привилегиями, каковые мы сочтем нужным ей предоставить. Нам известно, что при ее гордыне это явится для нее самым тяжким наказанием, но она вынуждена будет безропотно его снести. В завершение следует сказать, что она обязана стараться с преданностью служить своему королю, будь то в пределах королевства, при дворе...»

– Или в его постели, – закончила Анжелика.

Господин де Марийяк вздрогнул. Несколько минут тому назад он был убежден в бесполезности всяких речей, обращенных к этой несчастной, безнадежно больной, простертой в полузабытьи.

Замечание Анжелики и насмешливый взгляд из-под полуприкрытых век доказывали, что она внимательно слушала и вовсе не так больна, как хотела показать. Пергаментные щеки губернатора порозовели, и он сухо заметил:

– В послании его величества об этом не упоминается.

– Да, но подразумевается, – мягко откликнулась Анжелика.

Господин де Марийяк прочистил горло и что-то пробормотал, прежде чем продолжить чтение.

«...при дворе или в любом другом месте, где его величество пожелает указать ей служить».

– Сударь, не соизволите ли закончить, я устала.

– Мы тоже, – заявил оскорбленный дворянин. – Разве вы не видите, мадам, в каком положении мы вынуждены читать вам...

– Сударь, ведь я умирающая.

Злобное и слащавое выражение появилось на лице знатного вельможи.

– Я бы вам не советовал, мадам, слишком долго оставаться в таком состоянии, ибо снисходительность его величества не вечна. И именно этим предупреждением его величество заканчивает свое послание. Помните, мадам, что король по доброте своей предоставляет вам несколько месяцев на размышления, после чего он навсегда сочтет вас неисправимой мятежницей. После указанного срока он будет непреклонен. Сейчас май, мадам. Король знает, что вы больны и измучены. Он решил набраться терпения, но, если в первых числах октября вы не выполните всего, что вам предписано для получения прощения, он сочтет ваше упорство проявлением непокорности.

– И что случится тогда?

Господин де Марийяк вновь развернул письмо государя.

«Мадам дю Плесси будет арестована, препровождена в крепость или в монастырь по нашему выбору. Ее жилища будут опечатаны, замки, особняки и земли – проданы. Во владении в качестве наследственного имущества останется лишь замок дю Плесси и непосредственно окружающие его земли,

каковые отойдут к Шарлю-Анри дю Плесси, сыну маршала и нашему крестнику, и этот последний поступит под нашу опеку».

– А мой сын Флоримон? – побледнев, спросила Анжелика.

– О нем здесь не упоминается.

Повисла тишина. Анжелика ощущала на себе тяжесть взглядов злорадствующих мужчин, которых она почти не знала, которым не сделала ничего плохого, но которые тем не менее откровенно радовались ее поражению, потому что человеку ничтожному присуще наслаждаться зрелищем сломленной красоты и унижением тех, кто не желает пресмыкаться.

Теперь мадам дю Плесси уже не осмелится поднять свою гордую головку и взглядом изумрудных глаз воздвигнуть преграду между королем и тем влиянием, которое другие умы тщетно пытались на него оказывать. Она поедет в Версаль, чтобы вынести мучительное унижение, и оно навсегда сломит ее гордыню. Она лишится своей неукротимой силы, станет подобной всем прочим, превратится в послушный инструмент в руках того, кто управляет людскими душами и судьбами. Как ловко они действовали, рекомендуя королю непреклонность!

Тихий елейный голос господина де Солиньяка прервал молчание. Он-то не страдал от этого долгого стояния на коленях, потому что привык к бесконечным молитвам в одиночестве в своей домашней часовне, где он выпрашивал у Бога силы для продолжения изнурительного и тайного дела, требуя от развращенного мира исполнения Божественного закона. Он полагает, что для мадам дю Плесси-Бельер настал момент поразмыслить над своими прошлыми ошибками и с пользой провести время, которое оставляла ей снисходительность короля, чтобы собрать доказательства полного раскаяния. Разве она не заслужит прощения короля, если принесет в залог своей преданности обращение провинции Пуату в истинную веру?

– Вам должно быть известно, мадам, что религия, называемая реформатской, доживает последние дни. Ее адепты повсеместно возвращаются в лоно католической апостольской матери-церкви. Упорствуют только отдельные упрямцы, в частности в этом уединенном и диком краю, откуда вы сами родом и где расположены ваши владения. Капитан Монтадур, один из самых ревностных служителей церкви, специально сюда направленный, тратит немало сил, чтобы убедить гугенотов вашей области отказаться от их гнусных верований. И мы подумали, что вы сможете помочь, мадам, в этом святом начинании. Вы знаете крестьян округа, вы говорите на их языке. Вы их госпожа. У вас есть способы принудить гугенотов отказаться от зловредной ереси. Поймите, мадам, какая благородная задача стоит перед вами, и подумайте, как будет благодарен вам король, которого вы оскорбили, за помощь в сплочении его королевства, предпринятом ради вящей славы всемогущего Господа...

Речи господина де Солиньяка имели больший успех, чем чтение послания короля господином де Марийяком. Анжелика отбросила свое притворное безразличие. Она неожиданно села и уставилась на мужчин огромными пылающими глазами на исхудавшем лице:

– Включено ли его величеством обращение моей провинции в обязательные условия?

Саркастическая ухмылка обнажила желтоватые зубы господина де Марийяка.

– Нет, мадам, – откликнулся он. – Но это подразумевается.

В едином порыве де Марийяк, де Солиньяк и де Бретей склонились над Анжеликой, и только толстый живот помешал Монтадур последовать их примеру. Однако он тоже склонился в меру своих возможностей. Им двигала вовсе не забота подвигнуть Анжелику на святые дела. Просто он увидел, что она чертовски красива, эта умирающая, привезенная несколько дней тому назад в замок, можно сказать, уже завернутой в саван!

Эти склонившиеся над ней лица напомнили Анжелике мучительные кошмары, которые посещали ее иногда на Средиземном море. Сны возвращали ее к недавним воспоминаниям о французском дворе и к удушающей обстановке Версаля, полной заговоров и угроз.

Там странным образом смешивались страх перед отравителями, которые служат в тайных комнатах свои черные мессы, и интриги фанатиков веры, отдающие ладаном и святой водой. Все, что она навсегда отторгла и от чего бежала, воплотилось в реальность, набрало силу, и Анжелика вновь ощутила их неизбывное раболепие и нескрываемую злобу.

– Мадам, – бормотал Марийяк, – докажите нам свое усердие, и мы избавим вас от самого неприятного. Мы сумеем пробудить в короле великодушие по отношению к вам. Мы можем, например, намекнуть ему на смягчение строгости епитимии, которую ему угодно на вас наложить. Возможно, мы сумеем вернуть вам право въезда кареты во двор... Отмены черного платья... Клятв верности...

Он знал свое дело. Он прекрасно понимал, что для такой женщины, как Анжелика, самое тяжелое действительно заключалось в унижительных деталях, а не в необходимости передать одно из своих поместий короне. Они ожидали ее обещаний и заверений и уже готовили свои условия.

Но она надменно отпрянула:

– Вы все сказали, господа?

Губернатор поджал губы:

– Нет, мадам, мы еще не закончили. Я должен вручить вам личное послание его величества. Вот оно.

Анжелика сломала красную печать. Она узнала почерк короля.

«Драгоценная, мое несносное дитя, моя незабвенная...»

Буквы плясали перед ее глазами. Анжелика опустила письмо, не желая читать дальше.

Наконец королевские посланцы встали и направились к двери. Господин де Марийяк бросил взгляд на распростертую фигуру и пожал плечами. Он даст понять королю, что эта женщина повредила умом. Так валяться на полу после того, как она царила в Версале! Крайне прискорбно. Напрасно он послушался Солиньяка и взялся за это дело. Оно не обещает ничего хорошего ни королю, ни ему самому, ни Обществу Святых Даров. Совершенно ясно, что она умирает.

– Господа! – окликнула их Анжелика.

Они застыли возле двери. Она поднялась, и спутанные волосы превратились в бледный ореол вокруг головы, подчеркивая непримиримый блеск глаз.

– Господа, соблаговолите передать королю, что он не вправе быть добрым ко мне.

– Что это значит, мадам? – удивился Марийяк. – Вы считаете себя недостойной доброты его величества?

– Нет. Я хочу сказать, что между нами нет места доброте. Его любовь меня оскорбляет, ибо мы враги. Не так ли? Между нами может быть только война!..

Губернатор сделался землистого цвета. При мысли, что ему придется повторить королю такие слова, у него потемнело в глазах.

Все вышли, крайне озабоченные.

* * *

– Безумная, просто безумная женщина, вот вы кто! – закричала Барба, устремляясь к изголовью своей хозяйки. – Что за блажь на вас нашла, крушить все вокруг! Несчастная! Говорить такое прямо в лицо этим знатым господам, которых король послал специально, чтобы уладить дело. Вот, значит, как вы добиваетесь прощения!

– Так ты подслушивала, Барба?

– Мало того что вы в немилости и измучены... – продолжала Барба, охваченная праведным гневом. – Вы чудом спаслись, а теперь еще продолжаете бездумно играть своей жизнью!

– Барба, в мое отсутствие ты научилась командовать, мне это не нравится.

– Так должны же мы были защищаться с маленьким Шарлем-Анри! Вы, мадам, бросили нас на произвол полиции, которая то и дело к нам заявлялась. Эти чертовы полицейские нас допрашивали, рылись в бумагах, взламывали шкафы. Это уже потом они оставили нас в покое. И нам приходилось только ждать. Вы думаете, это очень весело, вот так все ждать да читать молитвы, перебирая четки? И вот в один прекрасный день вы объявляетесь, тощая и ободранная, как бродячая бездомная кошка. А теперь парк полон солдат, под вашей крышей распоряжается какой-то толстый капитан, он жрет ваши припасы, пристает к служанкам. Так должна же я была научиться кричать и защищаться, как вы считаете?..

Пыл верной Барбы смутил Анжелику.

– А что же, по-твоему, должна я делать? – пробормотала она неуверенно.

– Поехали бы к королю, – зашептала Барба, вновь обретая надежду. – И все стало бы как прежде. Вы бы опять превратились в самую могущественную особу в королевстве, а ваш дом и ваши сыновья повсюду пользовались бы уважением. Поезжайте к королю, мадам. Вернитесь в Версаль.

Она наклонилась, стремясь прочесть на лице Анжелики признаки согласия. Но под усталыми веками сверкнул непримиримый блеск зеленых глаз.

– Ты, Барба, сама не знаешь, о чем говоришь. Поехать к королю! Для тебя, простая душа, нет ничего лучше, как жить при дворе. Но я-то осведомлена лучше. Разве я там не жила? Ты говоришь, жить при дворе? Какая насмешка! Погибнуть при дворе, вот это да. От скуки, от отвращения, в конце концов, от яда соперницы. Жить при дворе! Это все равно что танцевать трикоте на зыбучих песках. Я никогда не вернусь к ним.

– Но король ведь вас любит! Он весь в вашей власти!

– Нет, он не любит меня. Он меня хочет. Я никогда не буду ему принадлежать. Это невозможно. Послушай, Барба, ты кое-чего не знаешь: король Франции всемогущ, но я-то сумела сбежать из гарема Мулая Исмаила... Ты даже не представляешь, что это такое. Ни одной женщине это не удавалось. Это считалось невозможным, немыслимым!.. Так почему же я не смогу победить и короля Франции?

– Так вы этого хотите?

– Да... Я думаю... Я думаю, что мне не остается ничего другого.

– Ах! Рехнувшаяся, рехнувшаяся женщина! Да сохранит нас Господь, – зарыдала Барба и, закрыв лицо руками, выбежала из комнаты.

Глава III

Капитан Монтадур обедал в столовой замка. Анжелика следила за ним с порога. Он не ел – он жрал. Из-за рыжих усов его полнокровное лицо казалось еще более красным, глаза неподвижно застыли. Он целиком отдался нелегкой задаче опустошить все блюдо садовых овсянок, стоящее перед ним среди разнообразных судочков. Он ловко подхватывал пальцами овсянку, долго макал ее в соусник, а затем жадно совал в рот. Хрустел костями, звучно их обсасывал и вытирал руки о разложенную на его пластроне салфетку, один уголок которой он просунул в расстегнутую петлю.

– Мы его прозвали Гаргантюа, – хихикнула молоденькая служанка, также наблюдавшая за зрелищем из-за спины Анжелики.

Офицер распоряжался слугами, как в собственном доме. Один из них оказался не очень проворным, тогда, обозвав его деревенщиной, он выбил блюдо у него из рук.

Анжелика бесшумно удалилась.

У нее в голове не укладывалось, как король решил поместить такого борова под ее крышей? Конечно, он не знал о выборе, сделанном по зрелом размышлении господином де Марийяком. Но это не снимало с него вины за унижение, которое она испытывала. Ведь этим людишкам поручил король добиться повиновения маркизы дю Плесси.

По мере своего выздоровления Анжелика осознавала смысл этой двойной ловушки: она полностью зависела не только от короля, но и от тех людей, которые пытались тайно управлять королевством. Пока она не покидала спальни, ситуация не представлялась ей так ясно. В своей комнате она доходила до окна и черпала новые силы, любуясь близким лесом. Его сень, изобилие листвы и свежести всякий раз наполняли ее благодарным восторгом. Она напоминала себе, что все же осталась жива, что ее кости не белеют в пустыне и что только необыкновенное чудо позволило ей вернуться в родные края. Она так мечтала о тенистых лесах Ньеля, когда, с пересохшими губами и окровавленными ногами, тащилась следом за Коленом Патюрелем. И теперь, вновь вернувшись под их сень, ей все казалось простым и легким.

Понемногу она уступила настояниям Барбы и согласилась нормально есть и спать на кровати. И наступил день, когда она надела платье. Барба нашла в одном из сундуков старое платье, потому что более новые оказались Анжелике слишком велики.

И теперь, обходя свое жилище, Анжелика обнаружила другую сторону нового существования. Двери охраняли часовые. Они находились даже в служебных помещениях. Остальные солдаты разбили лагерь возле ограды.

Отовсюду раздавались крики Монтадура. Анжелика бродила нетвердой походкой выздоравливающей, постоянно опасаясь оказаться в неприятной ситуации. Знакомые лица слуг возникали как призраки прежней минувшей жизни. Их окружала с трудом воспринимаемая действительность.

Вся прислуга пришла в маленькую гостиную поздороваться и выразить свое удовольствие по поводу ее выздоровления: Лэн Пуару, повар, и его жена; чета Туранжо с радостными лицами, они служили в Плесси уже пятнадцать лет и все продолжали жаловаться, что вынуждены жить среди дикарей Пуату; бывший камердинер Филиппа Ла Вьолет (Смотрите-ка! А ей-то казалось, что она выставила его за дверь!); главный псарь Жозеф, конюший и главный смотритель экипажей Жанику, кучер Адриен; Мальбран Укол Шпаги, ее седовласый слуга, который против всякого ожидания полюбил деревенскую жизнь. Он курил трубку, ухаживал за лошадьми и, чтобы оправдать свое присутствие, учил азам фехтования и верховой езды маленького Шарля-Анри. «Но этот ребенок не такой способный, как его старший брат, – замечал он. – Ах! И зачем только держат Флоримона в коллеже, когда здесь

ржавеют без дела отличные шпаги». Один только Мальбран, храбрец и бывший мушкетер, столько повидавший на своем веку, казался довольным своим положением. Все остальные были чем-то взволнованы, в их глазах читался неясный укор. Во время отсутствия Анжелики они ощущали себя брошенными. И все жаловались. Их волновало присутствие солдат, которые насмехались над ними и вели себя как завоеватели. Вся прислуга испытывала глубокий стыд, оттого что в господском поместье, словно в деревенском доме или в доме горожанина, разместились на постой войска. Анжелика слушала молча, глядя на них своими зелеными глазами, и легкая улыбка слегка кривила ее бледные губы.

– Почему же вы не защищаетесь, жители Пуату? Разве нет у вас ножей, топоров, кнута, отличных деревянных дубин, а у тебя, Лэн Пуару, разве нет уже острых вертелов?

Пораженные слуги переглядывались. Мальбран Укол Шпаги обнажил зубы в радостной усмешке. Жанику, конюший, пробормотал:

– Конечно есть, госпожа маркиза, только мы не смели... Это ведь королевские солдаты...

– Ты знаешь пословицу: ночью все кошки серы. Королевского солдата можно вздуть точно так же, как и любого крокана.

Они молча качали головой и хитро шурились. Этим слугам, выходцам из крестьян, такой язык был понятен.

– Ладно уж, госпожа маркиза, – проворчал Жанику, – если вы не против, то мы-то и подавно.

Слуги многозначительно переглядывались.

Они не ошиблись, доверяя своей госпоже. Она так легко не сдастся. Они постараются побыстрее прогнать толстого вояку. Теперь королевским солдатам жизнь в поместье не покажется сладкой.

Как детям или простодушным людям, привыкшим делить судьбу своего хозяина, им казалось, что возвращение маркизы дю Плесси положило конец всем волнениям, что нет больше нужды опасаться будущего.

Но для Анжелики не все было так просто. Сохраняя беззаботный вид, она размышляла, прежде чем начать действовать. И чем яснее она осознавала положение, тем больше сомнений у нее возникало.

Укрывшись в одной из любимых гостиных первого этажа, она пыталась перебросить ненадежный мостик между прошлым и настоящим.

Анжелика сидела в той самой гостиной, в которой когда-то, шестнадцатилетней девушкой, столкнулась с разгневанным принцем де Конде.

В те дни знатный вельможа приехал в Пуату, чтобы поднять войска против Мазарини и королевы-матери и организовать заговор с целью отравить малолетнего короля и его брата.

Она видела, как он поднимал к свету зеленый пузырек, который передал ему монах Экзили, как оценивал шансы новых возможностей, которые откроются перед ним с исчезновением Людовика XIV.

Развлечения принцев! А сегодня страдающий подагрой Конде по вечерам с трудом притаскивается под своды Версаля на партию в пикет у королевы. Малолетний король оказался сильнее.

Но разве до конца улетучился едкий запах заговоров и мятежей в сердце далекой провинции, в белом замке над водами пруда на краю леса?

Анжелика смотрела в окно на уголок запущенного парка. пышность каштанов, полыхающих высокими розовыми соцветиями, не могла скрыть испорченных лужаек, на которых солдаты Монтадура пасли своих коней. Справа блестело зеркало пруда, по которому быстро плыли два лебедя. Вероятно, они заметили Шарля-Анри с Барбой, которые пришли их покормить.

Анжелика подумала, что в этой атмосфере, похожей на дурной сон, красота маленького Шарля-Анри выглядела неправдоподобной.

Барба привела его к Анжелике. Малышу почти исполнилось пять лет. Преданная нянька ежедневно одевала его в шелка и атлас, словно он отправлялся на прием во дворец. Ребенок никогда не пачкал своей одежды. Он молча стоял перед Анжеликой, и она никакой лаской не могла добиться от него хоть слова.

– А ведь когда захочет, так он очень даже разговорчив! – вмешалась Барба, огорченная молчанием своего воспитанника. – Послушали бы его, когда по вечерам я укладываю его в постель и даю медальон с вашим портретом. Он с ним разговаривает, да так ласково. А может, он просто не узнает вас, вы теперь совсем не похожи на свой портрет.

– Тебе кажется, что я сильно изменилась? – с невольным беспокойством спросила Анжелика.

– Вы стали еще красивее, чем прежде, – с каким-то раздражением отвечала Барба. – И это даже ненормально, потому что, если приглядеться, так с чего бы это? Волосы у вас стали плохими, кожа просто ужасная! И вот, поди ж ты: иногда вам дашь не больше двадцати. А глазищи-то какие! Словно вы с того света вернулись.

– Так примерно и есть.

– Еще красивее? Уж и не знаю, – повторила служанка, покачивая головой в белом чепце, – но только думаю... Думаю, что вы стали для мужчин еще опаснее.

– Да оставь ты мужчин в покое, – откликнулась Анжелика, пожимая плечами.

Она посмотрела на свои руки.

– Ногти ломаются, – заметила она. – Просто не знаю, как вернуть им силу.

Она вздохнула и погладила светлые шелковистые волосы ребенка. Огромные голубые глаза, густые ресницы, бело-розовый цвет лица и тугие круглые щечки – ребенок словно сошел с картины фламандского художника. От его красоты у Анжелики сжалось сердце. Глядя на него, она вспоминала Филиппа, своего второго мужа, и ту ужасную шутку, которую сыграла с ней судьба, прислав посланца Жоффрея де Пейрака сразу после ее нового замужества.

В то время в нее словно дьявол вселился и она была готова на все, лишь бы женить на себе каменного Филиппа. Тем самым она собственными руками вырыла пропасть, навсегда отделившую ее от первой любви. «Ах! Ну почему ты всегда вмешиваешься в судьбу?» – говорил Осман Ферраджи.

Она вздохнула, отвела глаза и погрузилась в глубокое раздумье. Подождав немного, малыш незаметно ушел. Хотя бы за него ей не придется дрожать. Шарль-Анри дю Плесси, сын маршала, крестник короля, не потеряет наследства из-за проступков своей матери, но ее гордый старший сын Флоримон, родившийся законным наследником графов Тулузских, рода гораздо более древнего и более богатого, чем все дю Плесси, теперь разорен, и его судьба так же неясна и безнадежна, как судьба какого-нибудь бастарда.

* * *

С самого приезда Анжелика хотела увидеть своего старшего сына и слабым прерывающимся голосом продиктовала мэтру Молину письмо к преподобному отцу де Сансе. Она не предполагала, что это послание вызовет подозрения капитана Монтадура, а так как сам он читал с большим трудом, то заставил управляющего имением прочесть его вслух, а потом, поразмыслив над ответственностью, переслал его господину де Марийяку. Но все же письмо дошло до адресата, и вот сегодня Анжелика держала в руках ответ иезуита.

Из письма она узнала, что преподобный отец де Сансе получил приказ короля держать юного Флоримона в коллеже вплоть до того момента, когда его величество сочтет нужным

вернуть его матери. Преподобный отец де Сансе полностью одобрял решение государя, озабоченного судьбой даже такого юного своего подданного. Действительно, Флоримону не сулит ничего хорошего вновь оказаться под влиянием женщины, поведение которой отличается как неблагодарностью, так и неосмотрительностью. Пусть она докажет свое раскаяние и вновь заслужит милость короля, после чего и соединится со своим сыном, перестав служить ему печальным примером неповиновения и легкомыслия. К тому же место двенадцатилетнего мальчика скорее в коллеже, чем рядом с матерью, которая постоянно выкалывает себя удивительно непостоянной и неуравновешенной. Он становится юношей. Его дядя признает, что он достаточно способен к учению, но ленив и все воспринимает с трудом, несмотря на внешнюю открытость. Короче, его нельзя назвать многообещающим. Возможно, если проявить настойчивость, из него получится хороший офицер.

Раймон де Сансе завершал письмо туманными словами, выдававшими его горечь. Он устал, писал он, нести на своих плечах груз ошибок своих братьев и сестер и в одиночку спасать семейство де Сансе де Монтелу от немилости короля. Вскоре и он почувствует тяготы проявления этой немилости, хоть всегда был и надеется оставаться верным подданным его величества, но на протяжении долгих лет ему приходится вступаться за виновных, упорство которых в постоянном совершении ошибок можно сравнить только с их невообразимым легкомыслием. Разве недостаточно было суровых уроков, чтобы усмирить Анжелику? Разве сам он не предостерегал ее, так же как и Гонтрана, Дени и Альбера?.. Но, увы! На них не действовали ни внушения, ни предупреждения... Дикая необузданная кровь берет в них верх.

Наступит день, когда он откажется вступаться за них...

Этот ответ возмутил Анжелику. У нее забрали Флоримона, и это несправедливо. Флоримон сирота, он принадлежит только ей. Ей одной. Он для нее друг и товарищ.

К тому же он единственное живое доказательство погибшей любви. Флоримон и Кантор, ее старшие сыновья, стали ей особенно близки после путешествия в Средиземноморье.

Ей казалось, что, безоглядно устремившись на поиски Кантора, разделив тайную мечту маленького пажа, она вернула его любовь. Они стали немного сообщниками, погибший ребенок и его мать, угодившая в ту же ловушку. Теперь она считала, что он не так далек от нее, не так безвозвратно исчез.

Но ей нужен Флоримон, ее первенец, в чертах которого оживал образ другого лица, ушедшего в прошлое.

С бессильным гневом она перечла письмо. Затем ее внимание привлекли жалобы брата. Почему он выражал претензии ко всем членам семьи, а не винил во всем, как обычно, одну только Анжелику? В детстве все несчастья случались из-за Анжелики, а теперь он говорил обо всех членах семьи.

Она задумалась. На память пришла фраза, прочитанная де Марийяком: «Неповиновение семьи, многие члены которой нанесли мне серьезные оскорбления» или что-то вроде этого. Она не могла уже точно припомнить выражения, потому что в тот момент не обратила должного внимания. И только соединив это обвинение с тем, о чем писал Раймон, Анжелика задумалась, не было ли здесь намек на неизвестные ей события. Она все еще размышляла над этим, когда вошедший слуга объявил, что ее желает видеть барон де Сансе де Монтелу.

Глава IV

Отец Анжелики, барон де Сансе, умер в прошлом году зимой, накануне ее отъезда в Марсель. Услышав это имя, она ушам своим не поверила и вскочила с дивана. По ступеням лестницы походкой отца поднимался мужчина в коричневом костюме и в грубых грязных башмаках. Она смотрела, как он шел по галерее, и вдруг узнала замкнутое недовольное лицо мальчиков де Сансе. Так это один из ее братьев?

– Дени, ты ли это?

– Здравствуй, – отвечал тот.

Она помнила его военным, занимающим хороший пост в одном из гарнизонов в окрестностях Парижа. И вдруг он объявляется провинциальным мелкопоместным дворянином. Он приобрел тяжелую походку и озабоченное выражение лица барона Армана. С недовольным видом он вертел в руках конверт:

– Вот. Я получил приказ от господина де Марийяка, губернатора провинции. Он просит нанести тебе визит. Ну, я и приехал.

– Воистину, в нашей семье теперь действуют только по приказу. Просто очаровательно!

– Еще бы, ведь положение очень непростое.

– А что же произошло?

– И ты еще спрашиваешь, хотя вся королевская полиция гоняется за тобой по пятам и как преступницу привозит тебя под охраной! Об этом говорит вся округа!

– Это понятно. Но что *еще* произошло?

Дени уселся с удрученным видом:

– Верно, ты ведь ничего не знаешь. Так я тебе расскажу, потому что господин де Марийяк и прислал меня для того, чтобы «ты сделала из этого нужные выводы». Это его слова. Так-то вот.

– Так в чем же дело?

– Не суетись. Сейчас узнаешь. Это чрезвычайно неприятно. На нашу семью свалился позор. Ах! Анжелика, зачем ты только уехала?

– Но неужели они посмели наброситься на нашу семью только потому, что мне было угодно отправиться путешествовать, не испросив на то королевского разрешения?

– Нет. Напрямик это не связано. Но если бы ты здесь оказалась!.. Все случилось через несколько месяцев после твоего отъезда. Никто точно не знал, почему ты уехала, но у короля было отвратительное настроение. Я не считал это трагичным. Я думал: «Анжелике это не впервой. Если она и сделала какую-то глупость, то при своей красоте легко ее поправит». Признаюсь, меня больше всего огорчало, что я не знал, где тебя найти, потому что хотел подзаять денег. Я как раз вбил себе в голову купить освободившуюся должность в гвардейском полку Версаля. И рассчитывал на твою помощь, на твое влияние и... твои денежки. Дело шло на лад, и тогда я пошел к Альберу, потому что знал, что он пробил себе дорогу при дворе Месье. Я верил в успех. Альбер купался в золоте. Он сказал, что Месье от него без ума и осыпает его милостями: дарения, должности – и что недавно он даже добился права на доходы от нашего большого Ньельского аббатства. Эта мыслишка уже давно сидела в голове нашего честолюбца. Теперь этот хитрец чувствовал себя обеспеченным до конца дней своих! Он вполне мог отвалить несколько сотен ливров мне, бедному солдату без особых мозгов, не умевшему нравиться мужчинам. Он не заставил себя упрашивать, и я смог купить должность. И расположился в Версале. Для всякого офицера это куда лучше, чем Медон. Хотя и дисциплина строже. Все время парады в угоду королю. Но и праздники были, опять же карточная игра. Было и кое-что другое, менее приятное, когда нас, не спро-

сив, послали усмирять волнения каменщиков и мастеровых... В Версале, как ты помнишь, проводились большие работы.

– Да, я помню.

Монотонный голос молодого человека вызывал в памяти забытые картины: сверкающие глыбы нагроможденных камней, их скрип под гигантскими пилами, переплетение строительных лесов, которые возводились по сторонам обоих перестраиваемых крыльев дворца. Неумолчный шум непрекращающейся стройки долетал даже в глубину парка до гуляющих знатных господ: крики, удары молотов, скрип тачек, скрежет заступов... Огромная армия озабоченных муравьев.

– Было ошибкой набирать столько людей, словно для армии. Их и поселили здесь же. Им не позволяли отлучаться в семьи, потому что боялись, что они не вернуться. Ну и многие, конечно, были этим недовольны. А летом дело осложнилось, когда король решил вырыть водоем около леса, как раз напротив большой лестницы над оранжереей. Стояла жуткая жара... Налетели болотные комары. Началась лихорадка. Люди мерли как мухи... Нас заставляли их хоронить. А потом...

Дени описывал волнения, неожиданно охватившие этих рабов. Бригадиров сбрасывали с лесов. Разъяренные орды в лохмотьях, вооружившись брусками и молотками, зверски расправились со швейцарцами и захватили партеры. К счастью, в это время на плацу находился целый полк. Солдат срочно построили в боевой порядок, и они поднялись к дворцу. Подавление мятежа продолжалось два часа. Два часа среди полчищ комаров, на жаре, под крики ненависти и стоны умирающих. Когда этих несчастных оттеснили, они забаррикадировались на стройке, скидывали с четырехэтажных лесов глыбы камней, и раздавленные солдаты умирали, словно клопы. Но мушкеты не давали промаха. И вскоре белый песок покрылся телами убитых.

С южного балкона с ужасом наблюдали за происходящим мадам де Монтеспан и ее свита.

Наконец рабочие сдались. На следующий день на рассвете зачинщиков привели на опушку леса, как раз напротив дворца, возле начатого водоема, чтобы там повесить. И вот тогда-то, когда ему уже набросили веревку на шею, Дени увидел его и узнал: Гонтран! Их брат Гонтран! Окровавленный лоб, дикий взгляд, жалкая изодранная одежда, вымазанная краской, мозолистые руки, изъеденные кислотой. Гонтран де Сансе де Монтелу, их брат-ремесленник!

Молодой офицер заорал: «Нет! Не его!» – и бросился к старшему брату, прикрыв его своим телом. Нельзя было допустить такого святотатства: повесить одного из членов семьи де Сансе де Монтелу!

Окружающие решили, что он помешался. А на губах Гонтрана блуждала странная улыбка, насмешливая и усталая.

Побежали за полковником. Задышавшись, с большим трудом Дени попытался объяснить, что этот мятежник со связанными за спиной руками и по имени, и по крови его родной брат, рожденный теми же родителями, и приходится также братом и маркизе дю Плесси-Бельер. Знатное имя, поразительное сходство обоих братьев, а возможно, и вызывающее высокомерное поведение приговоренного – поведение человека благородного – все, вместе взятое, подействовало на полковника и побудило его отсрочить казнь. Однако он не мог слишком долго тянуть с исполнением приказа, гласившего, что до захода солнца все бунтовщики должны понести наказание за свое безумное поведение. Следовало до наступления вечера добиться для Дени прощения короля.

Он, мелкий офицеришка, должен был проникнуть к королю! А он никого не знал во дворце.

– Если бы ты была там, Анжелика! Еще за два месяца до того ты находилась при дворе, король только на тебя и смотрел, да тебе бы только слово сказать! Почему, ну почему ты пропала, и в самом расцвете славы! Ах! Если бы ты была там!

Дени вновь вспомнил об Альбере, положение которого на тот момент было самым надежным. Поиски иезуита Раймона заняли бы слишком много времени, да к тому же иезуиты хоть и обладают большой властью, но не любят неожиданностей. Итак, полковник сказал: до захода солнца. Дени поскакал во весь опор в Сен-Клу. Месье пребывал на охоте, естественно вместе с фаворитом... Дени бросился на поиски охотников. Необходимо разыскать Альбера, а время – уже полдень. И еще пришлось убеждать Месье отпустить его спутника на несколько часов, на что тоже ушло какое-то время.

– Альбер знает толк в улыбках и нежностях не хуже женщины. Я смотрел, как они стреляют глазками, играют кружевными манжетами, а сам все думал о Гонтрane, сидящем под деревом. Ты ведь знаешь, я терпеть не могу Альбера, но надо признать, что он не подвел. Он сделал все, что мог. В Версале, куда мы прибыли к вечеру, он стучался во все двери. Он бегал ко всем. Он ничего не боялся: ни надоедать, ни умолять, ни льстить, ни выслушивать грубые окрики. Но приходилось ждать то в одной, то в другой прихожей. А я следил, как солнце опускается все ниже... Наконец месье де Бриенн соизволил нас выслушать. Он ненадолго удалился. Потом вернулся, сказав, что, возможно, нам повезет увидеть короля, когда тот выйдет из кабинета, где принимал в тот день главных эшевенов города Парижа. Мы ждали среди придворных в гостиной Войны, в конце Большой галереи... Знаешь, где это?

Дверь отворилась, король выглядел важным и величественным. При его появлении все голоса смолкли, головы склонились, дамы зашуршали своими шелками, приседая в реверансе.

Юный Альбер, побледнев, в трагической позе бросился перед королем на колени:

– Пощадите, сир, пощадите моего брата Гонтрана де Сансе!

Взгляд короля оставался грозным. Он уже знал, кто эти молодые люди и о чем они его умоляли. Однако он спросил:

– Что он сделал?

Братья опустили головы.

– Сир, он оказался среди тех людей, которые вчера бунтовали и на несколько часов посеяли волнение в вашем дворце.

Король соорудил насмешливую гримасу:

– Один из де Сансе де Монтелу, дворянин старинного рода, среди каменщиков! Что за истории вы здесь плетете?

– Увы, сир, это чистая правда. Мой брат постоянно одержим сумасшедшими идеями. Он всегда хотел рисовать, и наш отец, разгневавшись, лишил его наследства. Тогда он стал ремесленником.

– Поистине странная блажь.

– Наша семья потеряла его из виду. И только в тот момент, когда его готовились повесить, мой брат Дени увидел и узнал его.

– И вы помешали исполнению приказа? – спросил король, повернувшись к офицеру.

– Сир... ведь это мой брат!

Король сохранял ледяное молчание. Все понимали, какой призрак пролетел между участниками этой драмы, какое имя безмолвно возникло, легкий силуэт какой гордой дамы показался и пропал в галереях Версаля. Призрак исчез, ранив, сразив короля. Он не мог простить. Когда король заговорил вновь, его голос звучал глухо:

– Господа, вы принадлежите к беспокойному высокомерному семейству, постоянно доставляющему нам неудобства. В ваших жилах течет кровь старинных, безмерно гордых феодалов, которые не раз потрясали наше королевство. Вы из тех, кто нередко зада-

ется вопросом, надо ли подчиняться королю, и частенько решаете, что нет. Мы знаем того человека, о помиловании которого вы просите. Опасный тип, нечестивец и буян, опустившийся до простолудинов, чтобы легче было вовлекать их в беспорядки и дурные деяния. Мы собрали о нем сведения и, узнав его имя и родственные связи, были глубоко поражены. Один из семейства де Сансе де Монтелу, говорите вы? И что он добавил к своему имени? Служил ли он в нашей армии? Заплатил ли своей кровью долг каждого дворянина перед королевством? Нет, он пренебрег шпагой ради кисти художника и долота ремесленника, унизил себя, отказался от обязанностей, налагаемых его именем, и отрекся от предков, скомпрометировав себя связью с низами, избрав их своим обществом. Ибо он заявил, что предпочтет дружбу с каменщиком общению с принцем. И если бы еще нам стало достоверно известно, что необъяснимые поступки этого человека вызваны его болезнью, что он слабоумный, страдает пороком, ведущим к неводержанности, стремлением к бродяжничеству... Такое встречается даже в самых лучших фамилиях. Но нет... Мы его выслушали... Мы пожелали его выслушать... Он показался нам умным, волевым, но пылающим странной ненавистью... Мы узнали этот высокомерный тон, полный злопамятства, увидели отсутствие страха перед королем...

Людовик XIV на мгновение умолк. Несмотря на выдержку, в выражении его лица сквозило что-то неуловимое, и это пугало. Глубокое страдание. Серые глаза Альбера де Сансе, в минуты волнения приобретающие зеленоватый оттенок, напомнили ему другой взгляд. Он глухо произнес:

– Он действовал как безумец и должен понести наказание за свое безумство. Пусть умрет позорной смертью негодяев. Быть повешенным! Разве не мечтал он дерзко потребовать от парламента выслушать его и объявить нам бойкот от лица поденных рабочих, как некогда силой и бунтом корпораций этого добился Этьенн Марсель от нашего предка Карла Пятого?..

Эти слова произносились для эшевенов Парижа, пришедших в тот день с изложением народных требований, которые король не пожелал удовлетворить.

И король проследовал дальше, опираясь на золотой набалдашник эбеновой трости.

Вдруг юного Альбера де Сансе озарила счастливая мысль.

– Сир, – воскликнул он, – взгляните вверх! Вы увидите на плафонах Версаля шедевры моего брата-ремесленника. Он нарисовал их, возвеличивая вашу славу...

Красный луч заходящего солнца упал через окно и озарил на потолке бога Марса на колеснице, запряженной волками.

Людовик XIV остановился в раздумье. Король глубоко чувствовал красоту, и она на минуту сблизилась с этим дерзким бунтовщиком с мозолистыми руками, приоткрыла иной мир, в котором человеческое благородство приобретало иное измерение. А вслед за тем его практичный ум вдруг подсказал, что нужно сохранить работника, способного создавать такие прекрасные произведения искусства. Подлинные художники, идущие своим собственным путем, – это такая редкость. Почему господин Перро, отвечающий за работы в Версале, не сообщил ему об этом таланте, которого сейчас приговорили без суда и следствия? Испугавшись бунта, в страхе перед королем никто не посмел вступить за мятежника. Король неожиданно изрек:

– Необходимо отсрочить казнь. Мы желаем пристальней рассмотреть дело этого человека...

Он обернулся к господину де Бриенну и продиктовал приказ о помиловании. Оба брата, продолжая стоять на коленях, услышали его слова:

– Ему следует работать в мастерских господина Лебрена.

Братья бросились через погруженные во тьму сады, мимо водоема, от которого поднимались смертоносные миазмы, к той опушке леса, где болтались повешенные.

Они пришли слишком поздно. В наступивших сумерках Гонтран де Сансе де Монтелу висел на ветке дуба, как неподвижный обломок белой скалы, оборотившись лицом к Версалию.

Вокруг раздавалось кваканье лягушек.

Братья сняли тело. Альбер сходил за каретой, кучером и слугой. На рассвете экипаж отправился в направлении Пуату. Они безостановочно скакали под раскаленным летним солнцем и в голубом ночном сумраке, снedaемые желанием поскорей упокоить в земле предков это большое тело с непригодными отныне к работе руками, словно только родная земля могла залечить его раны и смягчить острое разочарование, застывшее на распухшем лице.

Ремесленник Гонтран! Художник Гонтран! Который видел в Монтелу веселых домашних в медных тазиках и смешивал красную кошениль и желтую глину, чтобы окрасить стены. От одного только вида зелени листвы он пьянел, как от хмельного напитка!

Рыдая как дети, Альбер и Дени похоронили брата в семейном склепе возле деревенской церкви в Монтелу.

— А потом я пришел в замок, — продолжал рассказывать Дени. — Он казался мертвым, не раздавалось ни звука, ни одного детского возгласа. Только в кухне сидели кормилица Фантина, с глазами пылающими, как угли, да тетушка Марта, все такая же, тучная и горбатая, со своим неизменным рукоделием. Две старые ведьмы, что-то бормоча, чистили горошек. И тогда я остался. Ты ведь знаешь, что написал в завещании наш отец: «Наследство остается за тем из сыновей, кто возьмет землю...» Так почему бы не я? И я завел мулов, переговорил с фермерами, а потом и женился... На Терезе де Ла Майере. Приданого никакого, но доброе имя, и она хорошая. К сбору яблок у нас будет ребенок. Вот, — заключил новоиспеченный барон де Монтелу, — все это и просил тебе передать господин де Марийяк. То есть не о моей женитьбе, а про Гонтрана. Чтобы ты поразмыслила и лучше поняла, чем обязана королю после стольких оскорблений, как с твоей стороны, так и со стороны всей нашей семьи. Но, я думаю...

Он внимательно посмотрел в лицо своей старшей сестры, которую всегда немного побаивался из-за ее красоты, смелости и постоянных таинственных исчезновений. И вот она объявилась, и опять совсем другая, даже чужая. Тонкий овал лица обрисован благородной линией щек. Она сидела бледная и прямая, до глубины души пораженная только что услышанным рассказом. Это открытие и порадовало, и испугало Дени.

«Анжелика остается прежней, — подумал он, — но ее ожидают далеко не счастливые дни».

— Господин де Марийяк совсем плохо тебя знает, — прошептал он. — Но мне думается, что если он хотел добиться от тебя покорности, то совершил большую ошибку, сообщив, что одного из де Сансе повесили во славу короля.

Глава V

С момента возвращения Анжелики Молин, управляющий имением, приходил к ней ежедневно. Зажав счетоводные книги под мышкой, старик медленно шел по большой аллее, которая вела от его кирпичного дома с шиферной крышей до самого замка.

Независимый, как и прежде, хозяин сам себе, состоятельный буржуа, ведущий собственные дела, мэтр Молин продолжал тем не менее верно служить семейству дю Плесси-Бельер. Обладая здравым смыслом и предприимчивостью, он давно уже вел собственную торговлю. Анжелика, а тем более маркиз Филипп никогда не интересовались, чем именно занимается мэтр Молин. Они знали только одно: он всегда являлся по первому зову. Как только в нем появлялась необходимость. В Париже, когда хозяева замка находились при дворе, или в Плесси, когда случай или опала принуждали их удалиться в свои земли.

Поэтому суровое и жесткое лицо управляющего Молина, ставшее с годами похожим на лицо античного мудреца, одним из первых склонилось над бледным существом, которое два мушкетера выгружали из кареты, в то время как господин де Бретей весело кричал бежавшимся слугам:

– Я привез мадам дю Плесси. Она помирает. Дай бог, протянет пару дней...

Ничто не отразилось на лице Молина. Он приветствовал Анжелику столь же бесстрастно, как если бы она приехала на короткий срок из Версаля для получения арендной платы и сдачи ферм в аренду, обсуждения вырубki леса или продажи земель для уплаты карточных долгов. И, слушая, как он с достоинством сообщил, что урожай в этом году будет катастрофическим, она начала понимать, где именно находится, почувствовала надежность родной земли, и прошлое понемногу начало возвращаться в ее измученное тело.

Он не сделал ей ни одного упрека и не задал никаких вопросов, хотя их многолетние отношения и та особая роль, которую он некогда сыграл в воспитании детей из Монтелу, давали ему на то право.

Он ничего не сказал. Не сделал никакого намека на трудности и волнения, причиненные отъездом Анжелики, на решительные и быстрые шаги, предпринятые им для спасения самых доходных предприятий, которым угрожал крах. Разве ветер опалы не служит предвестником разорения? Крысы, вороны, скопища червей, пожирающие незащищенные состояния, уже начали к ним подбираться. Молин все привел в порядок, дал необходимые гарантии, взял на себя обязательства. «Мадам дю Плесси путешествует, – объяснял он. – Она вернется. И никакая ликвидации состояния не предвидится».

«А король? – возражали ему. – Что последует за гневом короля? – Все знали об этом. – Разве мадам дю Плесси не будет арестована и заключена в тюрьму?..»

Молин пожимал плечами и давал понять, что впоследствии сумеет распознать своих, а так как он неоднократно доказывал свою хитрость и изворотливость, то волнения вскоре улеглись. Кредиторы согласились подождать. В продолжение долгого года, когда все гадали, какая судьба ждет Анжелику, управляющий железной рукой удерживал общественную и финансовую основы, на которых держалось богатство беглой маркизы и ее наследника, маленького Шарля-Анри. Благодаря его усилиям слуги остались на месте, как в замке, так и в Париже, в особняке на улице Ботрейи, в предместье Сент-Антуан.

А теперь Молин повсюду рассылал сообщения о возвращении владелицы замка. Он не говорил о приставленной к ней охране, но напоминал о дружбе с королем и сообщал, что в скором времени она самостоятельно займется делами с компетентностью, вызывавшей уважение самого господина Кольбера. Эти письма направлялись коммерсантам Парижа и судовладельцам Гавра, с которыми у Анжелики были дела.

В поместье Молин продолжал совершать объезды. С обычной своей пунктуальностью он являлся на фермы или к арендаторам, требуя отчетов, следя за посевами и работами. Он не делал различия между протестантами и католиками. Ему показывали солдат, размещенных в доме на постой, которые съедали хозяйские сыры или окорока и выгоняли лошадей пастись на молодые всходы овса. Это были посланцы господина де Марийяка, «обращающие в истинную веру». Мэтр Молин не делал никаких комментариев. Он ограничивался тем, что напоминал фермерам о сроках погашения долгов и записывал цифры в свои книги.

«Мэтр Молин, что же нам делать? Разве вы не такой же кальвинист, как мы? – говорили крестьяне-гугеноты, стоя перед ним с мрачным и фанатичным видом и прикрывая животы большими черными шляпами. – Должны ли мы отречься от веры, чтобы сохранить свое достоинство, или должны согласиться с разорением?» – «Наберитесь терпения», – отвечал тот.

* * *

К нему тоже нагрянули драгуны, разграбили его богатый дом возле парка, сожгли сто фунтов свечей и два дня и две ночи без передышки стучали в кастрюли, чтобы помешать ему спать: «Отрекайся, старый пес, отрекайся...»

Это случилось перед возвращением Анжелики. Когда Монтадур приступил к своим обязанностям охранника при мадам дю Плесси, самой красивой женщине королевства и к тому же католичке, Марийяк из дипломатических соображений приказал, чтобы ее людей оставили в покое.

Получив свободу, Молин стал аккуратно являться в замок, и Монтадур, считавший его опаснейшим гугенотом здешних мест из-за влияния на крестьян, кричал ему:

– Старый еретик, до каких пор будешь ты исповедовать свой Символ веры?

Молин облегченно вздохнул, когда впервые увидел Анжелику сидящей в гостиной принца Конде, с легким румянцем на щеках. Управляющий прикрыл глаза бледными веками, и молодая женщина могла бы поклясться, что он коротко возблагодарил Бога. Это так на него не походило, что вместо того, чтобы растрогаться, она почувствовала смутное беспокойство.

В тот день Молин впервые заговорил с ней о беспорядках и о голоде, угрожавшем округе с тех пор, как господин де Марийяк взялся за обращение Пуату в католическую веру:

– Наша провинция, мадам, должна послужить опытным полем для распространителей католической веры. Если способ изничтожения протестантов окажется быстрым и результативным, то его применят по всему королевству. Невзирая на Нантский эдикт, протестантизм исчезнет во Франции.

– Меня это не касается, – отвечала Анжелика, глядя в открытое окно.

– Вас касается вот это... – сухо возразил Молин.

Снова обратившись к своим счетоводным книгам, он легко доказал, что ее земли, на которых проживали работающие протестанты, уже понесли тяжелый урон. Крестьянам препятствовали выходить на поля, заботиться о скоте. Цифры вызвали у Анжелики беспокойство.

– Надо жаловаться. Разве ваши церковные советы не могут напомнить тем, кто наверху, об условиях эдикта?

– К кому обращаться? Губернатор провинции сам является зачинателем этих злоупотреблений... Ну а король... Король прислушивается к тем, кто ему советует, кто его убеждает... Я ждал, мадам, вашего возвращения, потому что только вы способны прекратить эти беспорядки. Вы поедете к королю, мадам. Это единственный путь и вашего спасения, и всей провинции, и даже, кто знает, возможно, всего королевства.

Вот к чему вел он дело.

Анжелика пристально посмотрела на него трагическим взглядом. Слова теснились и рвались с языка, но она не могла их произнести. Сжатые губы дрожали. Он поспешил ответить до того, как она заговорила, потому что уже много дней, видя это изможденное лицо, вел свой мучительный молчаливый диалог.

Он хорошо ее знал, эту странную девочку из Пуату, чьей детской прелестью любовался, проезжая по ухабистым дорогам. При встречах она бросала на него смелый непримиримый взгляд, но никогда он не чувствовал ее настолько чужой, как после этого возвращения. Он не был уверен, что до нее доходит смысл его слов, а потому говорил жестко, отрывисто, как в тот день, когда она явилась к нему в дом, чтобы спросить, надо ли ей выходить замуж за графа де Пейрака.

И сегодня он убеждал ее: «Поезжайте к королю».

Но все приведенные им доводы Анжелика уже бессчетное количество раз перебирала в своем уме. Она отрицательно покачала головой.

– Мне известна ваша гордость, но я знаю и ваш здравый смысл. Забудьте прошлое. Разве вы не обратились за помощью к королю, когда попали в плен к берберам, и разве не откликнулся он на ваш призыв? Вы все еще можете добиться чего угодно, если с умом возьметесь за дело. Вы можете вернуть власть над человеком, которым вы пренебрегли, власть тем большую, что он уже давно ждет вашего к нему обращения.

Анжелика продолжала твердить «нет». Перед ней возник Меццо-Морте, алжирский адмирал, в своем золотом камчатном одеянии; она вновь слышала его слащавый смешок, когда он произносил: «Человек по имени Джеффа эль-Халдун умер от чумы три года тому назад», и она понимала, что именно с того момента стала терять надежду. Она представила себе тело повешенного брата, раскачивающееся в вечернем сумраке напротив Версаля. Припомнила обращенное к ней грустное и прекрасное лицо своего второго мужа, Филиппа дю Плесси, перед тем как он ушел, чтобы броситься под вражеские ядра.

Прощай, душа моя, прости,
Любовь моя и мука!
Исполним волю короля,
Нам суждена разлука.

Король забрал у нее все.

Она отрицательно покачала головой, и ее непослушные волосы, выбившиеся из прически, сделали ее похожей, несмотря на чеканный профиль королевы, на маленькую девочку с обочины ухабистой дороги, отвечавшую надменным отказом на просьбы управляющего Молина.

Наконец она заговорила и постаралась объяснить, почему был необходим этот отъезд. Она не раскрывала причины, но во фразах проскальзывало слово «он»:

– Вы понимаете, Молин, я не нашла его. Теперь, может быть, он действительно уже умер... От чумы или от чего другого... На Средиземном море так легко умирают...

Она задумчиво покачала головой и тихо завершила свою мысль:

– А также и воскресают!.. Не важно. Я ничего не добилась. Я пленница.

Словно изгоняя навязчивое видение, она провела по глазам все еще полупрозрачной рукой без колец, ставших слишком большими для исхудавших пальцев.

– Понятно, что мне никогда не забыть Восток. Все, что я там пережила, постоянно стоит у меня перед глазами. Это как пестрый персидский ковер, по которому так приятно ходить босиком. Могу ли я согласиться на то, чего ждет от меня король? Нет. Могу ли вернуться в Версаль? Нет. Меня начинает мутить от одной лишь мысли об этом. Опять опуститься до этого кудяхтанья птичьего двора, до пересудов, интриг, заговоров? Вы просто не

понимаете, чего от меня требуете, Молин. Нет ничего общего между тем, что я сейчас чувствую, кем я стала теперь, и тем существованием, на которое вы хотите меня обречь.

– Однако у вас нет иного выбора, как подчинение или бунт.

– Я не согласна на подчинение.

– Тогда бунт? – парировал он иронично. – И где же ваши войска? Где оружие?

Казалось, его сарказм не задел Анжелику.

– Однако существуют вещи, которых при всем своем могуществе боится даже король: это сопротивление крупных сеньоров и враждебное отношение провинций.

– Эти события начинают беспокоить королей только после того, как прольется море крови. Мне неизвестны ваши намерения, но неужели пребывание у берберов приучило вас не считаться с человеческой жизнью?..

– Мне кажется, что наоборот: только там я и поняла ее истинную ценность. – Она рассмеялась от нахлынувших воспоминаний. – Мулай Исмаил каждое утро с удовольствием рубил две-три головы для возбуждения аппетита. Там жизнь и смерть так тесно сплетались, что приходилось ежедневно решать, что важнее: жить или умереть. И тогда по-настоящему познаешь себя.

Старый управляющий покивал. Да, теперь она себя знала, и именно это приводило его в отчаяние. Пока женщина сомневается в себе, ее еще можно урезонить. Но когда она достигает зрелости, когда полностью познает себя, вот тогда-то и следует ожидать самого худшего. Ибо тогда она подчиняется только своим собственным законам.

Он всегда чувствовал, что Анжелика – многогранная личность и неисчислимы ее грани будут открываться одна за другой, как набегающие волны, по мере новых потрясений жизни. Он хотел бы остановить бег судьбы, непреодолимый порыв, уносивший ее все дальше, но уже почти не надеялся увидеть, что Анжелика расслабится и с присущей женщинам уступчивостью примет жизнь такой, какая она есть.

Ну почему бы ей не оставаться в Версале, раз уж она всего там добилась?.. – думал он недовольно. В те времена она была понятной, предсказуемой, эгоистичной, она наслаждалась плодами власти, богатства и земных радостей. А сегодня волны загадочной одиссеи вынесли ее за пределы понимания. Теперь она не удовлетворяется иллюзиями. Ее сила истекает от отрешенности, а слабость заключается в том, что она уже не может слиться с тем жадным корыстолюбивым обществом, которое создается по указке французского короля.

– Как хорошо вы меня знаете, Молин! – воскликнула она, словно читая его мысли.

Управляющий вздрогнул. «Одному Богу известно, какой дар ясновидения обрела она в этих диких таинственных землях», – подумал он, волнуясь все больше.

– Вы правы, не надо было мне уезжать. Все было бы проще, я могла бы все так же жить при дворе с повязкой на глазах. Двор! Жить при дворе?.. При дворе можно делать что угодно, только не жить. Возможно, я старею, но я уже не могу довольствоваться блестящими погрешками, под которые пляшут эти марионетки. Ах! Иметь право на табурет в присутствии короля... Какое достижение!.. Сидеть за столом королевы и тасовать карты... Какое блаженство!.. Такие ничтожные пустые страсти, но постепенно они завладевают вами целиком и душат как змеи: карточная игра, вино, драгоценности, почести... Может быть, я любила по-настоящему только танцы и красоту садов, но плата была слишком велика: подлые компромиссы, зависть глупцов, которым оставляешь на растерзание свое тело... просто из-за скуки. Расточать улыбки окружающим, покрытым отвратительными язвами, которые ты угадываешь по их глазам, язвами куда более отвратительными, чем те, что я видела на Востоке на лицах прокаженных... Вы и вправду думаете, господин Молин, что я могла бы устроить свою жизнь ценой таких страданий? Что я сподобилась чуда остаться в живых только для того, чтобы вновь так низко прислуживать? Нет! Нет! Это означало бы, что пустыня ничему меня не научила...

И, глядя на нее, все еще истерзанную, со следами глубокого страдания, которое, как вуаль, покрывало ее красоту и подчеркивало чистые линии лица, суровый Молин испытывал уважение и какую-то робость. Доводы Анжелики, несмотря на перенесенные испытания, оставались неуязвимыми, и приходилось только сожалеть, что теперь непреклонный взгляд она обращала на мерзости эпохи. Молин не мог удержаться от вздоха. В своей борьбе он пытался не столько убедить ее, сколько спасти.

Надвигалось неизбежное, небывалое бедствие, которое разрушит все, что составляло достижение его жизни. Не только богатство, которое, как он знал, проистекало из разных источников, а потому всегда оставалась возможность что-то спасти, но и нечто другое, что представлялось более дорогим его сердцу: блеск и величие дома дю Плесси-Бельер, богатство провинции, с каждым годом набирающая силы реформация, которая давала земле самых работающих и деятельных крестьян.

Благодаря своему влиянию на могущественного короля Анжелика служила некой опорой, на которой удерживалось старательно созданное равновесие сил, а ее равнодушие могло все привести к развалу.

– А как же ваши сыновья? – спросил он.

Молодая женщина сжалась и посмотрела в окно на лес, при виде которого она, казалось, обретала силу и получала ответ на мучившие ее сомнения. Ее густые ресницы нервно вздрагивали, мысленно она с трудом отвергала доводы Молина.

– Я знаю... Мои сыновья. Они толкают меня к подчинению. Меня связывает груз ответственности за их юные жизни.

Но вот она насмешливо взглянула на него и подмигнула:

– Но, если подумать, Молин, разве это не злая насмешка? Добродетель использует моих детей, чтобы уложить меня в постель короля! Но в наше время дело обстоит именно так.

Управляющий-гугенот не возражал. Он не мог отказать ей в циничной прозорливости.

– Только один Бог знает, как боролась я за своих сыновей, когда они были маленькими и беззащитными, – продолжала она. – Но теперь все изменилось. Средиземное море отняло у меня Кантора, а король и иезуиты завладели Флоримоном. Впрочем, ему уже двенадцать лет, возраст, в котором мальчик с хорошими задатками может сам выбирать свою судьбу. Наследство Плесси-Бельер обеспечивает Шарля-Анри. Король никогда его не разорит. Так разве не вправе я теперь располагать собственной судьбой?

Пергаментное лицо управляющего покраснело от гнева. Обеими руками он хлопнул себя по тощим коленям. Если для оправдания своих безумств она возьмется за ту же неопровержимую логику, что и прежде, он никогда не добьется желаемого.

– Вы снимаете с себя ответственность за судьбу сыновей ради права разрушить свое собственное существование! – воскликнул он.

– Права не приносить себя в жертву отвратительным химерам.

Тогда Молин изменил тактику:

– Но послушайте, мадам, похоже, вы считаете неизбежным принести королю в жертву свою добродетель. Но что он от вас требует? Публично, на глазах двора, *подчиниться ему*, чтобы возвращение его милости не сочли за акт слабости государя. Когда его авторитет будет подтвержден, мне кажется, что женщина – такая женщина, как вы, мадам, – всегда найдет способ и уловку, чтобы избежать...

– Это с королем-то? – воскликнула Анжелика, неожиданно задрожав. – Это невозможно! При наших отношениях он никогда не отступится, да и сама я...

Она нервно сжимала и разжимала пальцы. Он подумал, что теперь она стала более нервной, чем прежде. Но, с другой стороны, более спокойной. Более ранимой и более неуязвимой.

Анжелика вообразила длинную галерею, по которой она идет, вся в черном, под злыми и насмешливыми взглядами придворных, а король стоит с тяжелым взглядом и невыносимо величественным видом, свойственным его холодному лицу. Коленопреклонение, слова клятвы верности, поцелуй преданности... А потом, когда они окажутся наедине и он подойдет к ней как к врагу, чтобы возобновить то сражение, о котором он никогда не забывал, и любыми способами добиться победы, что сможет она ему противопоставить?

В ней нет даже той глупой юношеской гордости, этих доспехов неопытности, которые могут оградить от влияния чувств.

У нее слишком богатый опыт плотских наслаждений, чтобы не почувствовать все разнообразие тайной гармонии любви, и она уступит властному призыву, который подталкивает женщину, стремящуюся к подчинению, к покоряющему ее мужчине.

Столько мужских ласк, столько пережитых желаний и борьба за свое прекрасное тело превратили ее в женщину до мозга костей.

До такой степени в женщину, что теперь она способна наслаждаться сладостным унижением.

И Людовик XIV, этот тонкий психолог, не мог этого не знать.

Чтобы привязать к себе прекрасную мятежницу, он отметит ее каленым железом, как клеймят королевской лилией преступников королевства.

Из деликатности она скрыла от Молина возникшие перед ней видения.

– Король неглуп, – сказала она с разочарованной улыбкой. – Затрудняюсь объяснить, Молин, но стоит мне оказаться перед королем, как это случится... А я не должна этого делать. И вы знаете, Молин, почему... Я могла бы провести всю жизнь рядом с рыцарем, которого полюбила и который избрал меня своей дамой... И моя жизнь не состояла бы из череды дней, отмеченных страданием, тщетным ожиданием, убитой в зародыше радостью и тревогой. И вдруг, после ребяческого и опасного заблуждения, наступает самое глубокое понимание – понимание того, что есть нечто, чего нельзя вернуть. Жив он или мертв, наши дороги разошлись. Он любил других женщин, как я любила других мужчин. Мы предали друг друга. Наша совместная жизнь прервалась в самом начале, и случилось это по вине короля. Я не могу простить. Не могу забыть... *Я не должна* этого делать, это стало бы худшим предательством, я лишилась бы всех возможностей.

– Каких возможностей? – прервал он.

Она растерянно потерла лоб:

– Не знаю... Я потеряла бы все еще не умирающую надежду. А впрочем... – И, ожившись, она продолжала: – А впрочем, вы говорили о моих интересах... Не состоят ли они в том, чтобы протянуть Монтеспан бокал с ядом? Вам ведь известно, что она пыталась отравить и меня, и Флоримона.

– Вы достаточно сильны и опытны, мадам, чтобы бороться с ней. Ходят слухи, что ее влияние пошатнулось. Короля утомила ее злоба. Говорят, что теперь он находит удовольствие в долгих беседах с другой опасной интриганкой, с мадам Скаррон, которая раньше, к сожалению, была протестанткой. С упорством неопита она подталкивает короля вести глупую и бесполезную борьбу с бывшими единоверцами.

– Мадам Скаррон? – с удивлением повторила Анжелика. – Да она ведь гувернантка его детей.

– Ну да... Король увлечен не только разговорами с ней, но и ее прелестями.

Анжелика пожала плечами. Потом она припомнила, что бедная Франсуаза происходила из знатной семьи Обинье и что кавалеры, тщетно пытавшиеся спекулировать на бедности, чтобы добиться ее благосклонности, с чувством восхищения и досады прозвали ее Прекрасной Индианкой... Она также вспомнила, что редко замечала за мэтром Молином грех пустословия.

А тот настойчиво продолжал:

– Я это говорю, чтобы вы поняли: мадам де Монтеспан теперь не так уж опасна, как вы думаете. Вы победили ее еще в то время, когда она находилась на вершине могущества. Устранить ее теперь совсем не трудно...

– Продаваться, – прошептала Анжелика, – подкупать, вести эту яростную подковерную борьбу, которую я так хорошо знаю... Фу! Я предпочитаю иную борьбу, – закончила она, и глаза ее вдруг засверкали. – И если уж необходимо бороться, то пусть это будет в открытую, на моей земле... В существующей неразберихе мне представляется это единственным достойным делом... Остаться здесь. Это доставит мне и радость, и боль. Боль, потому что я понимаю, как много проиграла. Радость, потому что я испытываю потребность обрести свои корни. Да, я должна была вернуться. Странно... Мне кажется, что так было предreshено, что с того дня, как я потеряла из виду Монтелу, – помните, Молин, мне исполнилось тогда семнадцать и карета графа де Пейрака увозила меня на юг, – я после долгих странствий должна была вернуться в края своего детства, чтобы разыграть свою последнюю карту...

* * *

Только что произнесенные слова поразили ее саму, привели в волнение и заставили замолчать. Она оставила Молина одного и медленно поднялась по лестнице на башню, с которой открывался вид до самого горизонта. Иногда она различала в цветнике грузную фигуру пузатого Монтадура. Возможно, он воображал, что она будет оставаться в замке всю весну и лето, пока не явятся осенью люди короля с приказом арестовать ее и отвезти в другую тюрьму?

Сегодня Анжелика не отваживалась даже спуститься в свой сад. Но она прекрасно знала, что наступит день, когда, не спрашивая разрешения, она устремится в лес, а толстый рыжеусый страж так и не узнает об этом и будет продолжать важно стеречь заколдованный замок, уже покинутый принцессой.

Дурачина, ничего не смыслящий в деревенской жизни. Ему невдомек, что у каждой норы есть два выхода. И если наступит такой день, то она найдет приют в Бокаже.

Но прежде чем стать изгнанницей, скрывающейся в листве от глаз охотника, надо все хорошенько взвесить.

– Моя последняя карта...

Вновь завоевать свою свободу оказалось делом почти невозможным и гораздо более трудным, чем сбежать из гарема Мулая Исмаила. Там ей помогли женские качества ее натуры. Она сумела затеряться во мраке, довериться ночи, молчанию, слиться с землей, как поступают беззащитные зверюшки, обратиться к самой природе – в этом состояла хитрость, которая теперь не привела бы к желаемым результатам.

Для того чтобы разбить столь крепкие и тяжелые оковы, как власть короля Франции, требовались взрыв, шум, открытый вызов, мужская ожесточенная сила.

Здесь недостаточно гласа труб иерихонских. Но где найти того, кто поднял бы меч мятежа в королевстве, подчиненном единому владыке?

Вернувшись в свой мир, к своему титулу, к равным себе, мадам дю Плесси-Бельер осознала, что у нее нет друзей. Не приходилось надеяться на возникновение дружбы или любви, в крайнем случае хотя бы на появление общих устремлений. С какой ловкостью сумел юный король вызвать к себе всеобщее уважение. Нет никого среди этих гордых господ, кто не склонился бы перед ним. Анжелика вспоминала их имена как имена призраков: Бриенн, Кавуа, Лувуа, Сент-Эньян... А Лозен сейчас в тюрьме, он пробудет там годы и выйдет постаревшим, утратившим веселость...

Стоя на узкой площадке из белого камня между двумя амбразурами, Анжелика искала ответ на горизонте.

– Моя провинция! Будешь ли ты мне защитой?

Сланцевая кровля остроконечных башенок сияла на солнце металлическим блеском. От влажного дыхания ветра с болот поскрипывали флюгеры. В чистом небе, распластав крылья, кружил сокол.

Позади замка Плесси начинались леса. Перед замком – зелень парка, потом зелень полей, а слева, где-то вдалеке, между небом и землей, висело то ли облачко, то ли мечта – там начинались болота Пуату.

С высоты башни Анжелика не могла различить на земле признаков жизни. Бокаж укрывает свои поля в тени деревьев, предлагая взгляду только однообразную картину блестящих на солнце кудрявых вершин деревьев, словно это настоящий лес. Фермы арендаторов прячутся под кронами каштанов, деревни затерялись в такой глуши, что не слышен даже звон их колоколов. И там, где полевые работы находились в самом разгаре, сверху виделась только бесконечная зелень листвы, прорезанная черными полосами глубоких скалистых расселин, на дне которых протекают три холодные речки: Вьенна, Вандея и Севр...

Зияющие раны в теле земли, розовые скалистые отвесные берега, изрытые пещерами, где при свете факелов проступают под плесенью силуэты – черные или цвета охры, – нарисованные, как говорят, духами. Маленький Гонтран видел их в детстве. Его сестра Анжелика, фея этих таинственных мест, показала ему рисунки. Но он хотел любоваться ими в одиночестве и прогнал сестренку. Обиженная Анжелика больше не делилась с ним другими своими открытиями.

Со стороны невидимой отсюда равнины и бескрайних хлебных полей шла старая римская дорога, путь всех вторжений. Извиваясь, как серая лента, мощенная широкими выщербленными плитами, карабкалась она к незамысловатой крепости, которая защищала когда-то земли пиктонов в стране галлов и долгое время служила преградой для легионов Цезаря.

На севере, за лесом Ньель, раскинулись леса Фонтевро, Севоль, Ланклуатр, Шатлеро и, между Вьенной и Крезом, леса Ла-Герш и Шантмерль. На востоке и на юге простирались болота Ла-Брюм, потом Шарантские болота, вересковые пустоши, непроходимые лесные заросли, зыбкие земли и трясины...

Зачем вновь привела ее судьба в знакомые края лесов и вод, некогда повлиявших на формирование ее души?..

Чтобы научить тому, что она отказывалась понять?

Чтобы найти истину, предназначенную для нее с самого детства и сокрытую в этой древней земле, в этом отливающем синевой заливе, через который перекатывались волны сменяющихся цивилизаций?

Дольмены, эти античные каменные столы, сооруженные для непонятых целей, прятались в глубине лесов. Ряды менгиров в ландах, мрачные часовни, украшенные, как церковные раки, возвышались на каждом перепутье в честь местного святого, соседствуя с развалинами римских храмов, чьих богов они были призваны сокрушить.

Два взаимопроникающих мира: леса и болота. В 732 году они не пропустили развевающиеся знамена арабских орд, а во время Столетней войны препятствовали продвижению кавалерийских отрядов голодных англичан.

Земля, ошетилившаяся черными донжонами, возведенными то ли колдунами, то ли рыцарями и заговоренными аббатствами: Лигюже, Эрво, Ньель, Майезе...

Земля религиозных войн. Совсем близко находилось проклятое поле Ла-Шатеньере, где в 1562 году католические войска перерезали сотню протестантов, собравшихся на проповедь, – мужчин, женщин и детей, – а в окрестностях Партене все еще вспоминают о рейтаре-протестанте Пюиво, который готовил фрикасе из отрезанных ушей монахов.

К тому же это земля мятежей и разбоя, земля Брюскамбиля. При Ришелье «босоногие» перерезали прибывших сборщиков налогов, а при Мазарини королевские солдаты тщетно гонялись за людьми с болот, которые «ускользали, как угри, в протоках».

В детстве Анжелика была уверена, что люди из других мест – чужаки, почти враги. Она испытывала к ним смешанное с подозрением недоверие и опасалась, что принесенное ими могло нарушить тайный сладостный распорядок, известный только ей и ее окружению, людям земли ее детства.

И теперь в ней возникало то же чувство. Широкий горизонт перед глазами не мог ее предать и пропустить незамеченными посланцев короля с наказом ее арестовать.

Солдаты, стерегущие вход в замок и рассеянно растирающие табачные листья для трубки, малочисленны. Когда будет подан знак, Пуату позаботится их убрать, как и досаждавшие протестантам отряды солдат. Уже теперь их находят по канавам с перерезанным горлом, а женщины из деревень Морвей и Мель отказались идти на мессу и встретили солдат пылью и золой. Ослепленные, те ретировались и бесславно вернулись в Плесси, место своего размещения.

Герцог Самюэль де Ла Мориньер и два его брата, Уго и Ланселот, крупные сеньоры-гугеноты, ушли в пещеры у брода Санти, после того как убили лейтенанта драгун, намеревавшегося занять их жилище.

Так начинал подтверждаться неизменный конец всех рассказов кормилицы Фантины: «Жители округа спрятались в лесах, потому что солдаты причиняли большой вред» – или иначе: «Чтобы избежать мести короля, бедный шевалье ушел на болота и жил там два года, питаясь угрями и дикими утками...»

С наступлением вечера по Бокажу разносился призыв рога. Но он не означал окончания охоты – он служил для обмена таинственными посланиями между каким-то гонимым гугенотом и его единоверцами. Один из них, барон Исаак де Рамбур, жил на холме недалеко от Плесси в старом обветшалом замке, чей черный донжон четко вырисовывался на фоне красного неба. На эти призывы откликалась очень далекая охотничья труба. Иногда во дворе раздавалась ругань встревоженного Монтадура. С тех пор как этот проклятый патриарх-еретик Ла Мориньер ушел в леса, сократилось обращение в истинную веру. Он мог побиться об любую заклад, что, несмотря на закрытые и опечатанные храмы, эти чертовы ночные мотыльки слетаются по вечерам в недоступных местах под деревья и распевают свои псалмы.

Он хотел повести солдат в лес на их поимку. Но люди боялись темной чащобы. И безуспешно завершились попытки подкупить браконьеров-католиков, чтобы они служили провожатыми.

Анжелику неотступно преследовало одно и то же видение: вот появляется скачущий всадник, он стучится в ворота замка. Это король. Он заключает ее в объятия и шепчет те слова, которые писал только ей одной: «Моя незабвенная...»

Слава богу, сейчас не те времена, когда король может вскочить в седло и, отпустив поводья, помчаться во весь опор к своей возлюбленной, как это случилось в пору его страсти к Марии Манчини.

Король оказался пленником своего собственного величия, а потому ему приходилось ждать, чтобы она подчинилась. Он безнадежно искал поддержку своим надеждам.

– Сударь, когда же она придет? – допытывался он у господина де Бретея.

– Сир, мадам дю Плесси еще не оправилась от ужасных тягот путешествия, – кланялся придворный, скрывая насмешливую улыбку.

– Но почему она не передала с вами весточки? Неужели она все еще питает к нашей особе слепую злобу?..

– Увы, сир, подозреваю, что да.

Король сдерживал вздох, и взгляд его терялся в зеркальной дали Большой галереи.

Наступит ли день, когда он увидит ее, раскаявшуюся и сломленную, приближающуюся к нему по Большой галерее?

Он в этом сомневался. Воображение рисовало образ прекрасной пленницы, стоящей на вершине башни, которую охраняют темные леса и дремлющие воды.

Глава VI

Анжелика бежала по лесу. Она сняла обувь и чулки, и мох ласкал ее босые ноги. Иногда она останавливалась и настороженно и внимательно прислушивалась. Проблески памяти указывали ей дорогу, и она бежала все дальше. Пьянящее чувство свободы! Она тихонько рассмеялась. Это оказалось так просто – спуститься в винный погреб замка и среди бочонков вина отыскать маленькую дверцу в подземелье, существующую в подвалах каждого господского жилища.

Подземелье замка Плесси отличалось от особняка Ботрейи в Париже, где удивительный подземный ход начинался в колодце и сводчатым коридором, соединяющимся с катакомбами античной Лютеции, шел до Венсенского леса. Подземный ход Плесси представлял собой просто сырой вонючий лаз, через который она выбралась на четвереньках. Он вывел ее в ближнее редколесье. Сквозь листву Анжелика смотрела на замок и на солдат в красных плащах с широкими рукавами, обходивших поместье дозором. Но она оставалась невидимой, и часовым в голову не могло прийти, что в нескольких шагах от них пряталась их поднадзорная. Некоторое время она продолжала за ними следить, а потом неслышно удалилась, раздвинув сплетенные ветви кустарников.

За густыми зарослями молодых деревьев и кустов шиповника и малины, окаймлявших опушку, лес казался огромным зеленым собором, где дубы и каштаны служили колоннами.

Сердцебиение улеглось, и Анжелика, в восторге от своей удачи, побежала вприпрыжку дальше. Она чувствовала, что к ней вернулись силы. После тяжелых переходов по диким тропам Марокко ей казалось детской забавой взбираться на покрытые мхом утесы или спускаться по обрывистым тропинкам к ручьям, заваленным почерневшей листвой. Лес то редел, переходя в долину, то поднимался по склонам, достигая плато, покрытого мелкими кустиками вереска. Анжелика уверенно пробиралась через топкие и сухие участки, через пятна света и тени, сквозь поднимающиеся из глубоких овражков запахи гнили и зыбкие, почти южные ароматы, окутывавшие ее на высокогорье, там, где сама основа земли пронзала острой скалой тонкий слой почвы, казавшейся рыжей от покрывавших ее цветов.

Анжелика вновь остановилась. Камень Фей находился на своем месте, на поляне с дубами друидов. Огромный дольмен с очень длинным узким столом на четырех опорах, глубоко ушедших в землю за минувшие столетия.

Анжелика обошла его вокруг, чтобы лучше сориентироваться. Она убедилась, что теперь не заблудится. Эта часть леса – с Камнем Фей, Волчьей Ложбиной, Источником Страшного Медведя, перекрестком Трех Филинов, где стоит кладбищенская башенка с фонарем, – служила ареной ее детских подвигов. Прислушавшись, она сумела уловить приносимые ветром звуки глухих ударов длинных топоров дровосеков из деревушки Жербье, которые на лето поселялись в лесу. Немного на восток в почерневших хижинах жили углежог, к которым она иногда заходила, чтобы перекусить сыром и поискать узкие куски угля для Гонтрана.

Но раньше она поднималась сюда со стороны Монтелу. Тропинки, ведущие к Плесси, она знала хуже, хотя нередко бродила возле волшебного поместья, стараясь разглядеть белый замок на пруду. Теперь он принадлежал ей.

Давно забытым жестом она отряхнула бумазейную юбку, к которой пристали мелкие былинки. Потом пригладила волосы, растрепавшиеся на ветру во время бега, и распустила их по плечам. Анжелика улыбнулась, осознав, что придает все то же значение сложившемуся ритуалу, который никогда не нарушала в былые времена. Потом она начала спускаться по вырубленной в скале лестнице, теперь покрытой гумусом и глиной. Визит, который она собиралась нанести, требовал некоторой торжественности. Всякий раз, как маленькая босо-

ногая дикарка делала первый шаг по этой тропе, ее охватывала несвойственная ей робость. В такие минуты ее не узнала бы тетка Пюльшери. Образ благоразумной девочки предназначался только для таинственных духов леса.

Тропинка круто спускалась в мрачный обрыв. По скалистым склонам бежали ручьи, вдоль которых росли высокие пурпурно-красные наперстянки. Потом исчезли и они. Через толстый покров опавших листьев, превратившихся в грязь, пробивались только грибы, чьи липкие оранжевые или ярко-фиолетовые шляпки светились в сумраке подлеска, как тревожные фонарики. Здесь переплелось все: страх, священный трепет попеременно с разочарованием, любопытство и уверенность в приобщении к тайному миру – к миру злых чар, дарующих силу и власть. Склон был так крут, что Анжелике приходилось цепляться за деревья. Волосы падали ей на глаза, она нетерпеливо отбрасывала их назад. Она уже позабыла, что это место так недоступно и находится так далеко. Различив сквозь зелень листвы слабый отблеск солнца, отраженный противоположным склоном ущелья, она облегченно вздохнула. Ее рука ощупывала мох в поисках твердой опоры, и вдруг она соскользнула, слегка ободрав кожу, на узкую площадку, которая немного нависала над речкой, журчащей внизу.

За что-то ухватившись, Анжелика наклонилась, одной рукой приподняла завесу из плюща и обнаружила вход в пещеру. Она напрягала память, но не могла припомнить слова, которые следовало произнести при входе. Однако в пещере кто-то находился. Раздались медленные шаги, возникла исхудавшая рука, держащаяся за стену, и вот в бледном полусвете появилась древняя старуха.

Ее лицо со сморщенной коричневой кожей, подобное высохшей мушмале, окружали безжизненные пряди белоснежной гривы волос.

Глаза моргали, разглядывая пришедшую.

– Это ты, колдунья Мелюзина?

– Я. А тебе, щебетунья, чего надо?

– Подарить тебе вот это.

Анжелика протянула старухе сверток, где был нюхательный табак, кусок окорока, мешочек соли и мешочек сахара, кусок сала и кошелек с золотыми монетами.

Старуха все внимательно рассмотрела, потом, повернувшись горбатой, как у тощей кошки, спиной, вошла внутрь пещеры. Анжелика последовала за ней. Они оказались в круглом помещении с полом, усыпанным песком, слабо освещенном отверстием вверху, спрятым под кустами терновника. Туда же уходил и дым от маленького очага, над которым висел чугунный котелок.

Молодая женщина села на плоский камень и стала ждать. Она поступала точно так же, когда приходила в давние времена просить совета у колдуньи Мелюзины. Но тогда этой старухи еще не было. Предыдущая была еще более древней и почерневшей. Ее повесили крестьяне на дубовом суку, заподозрив, что она приносит в жертву их детей. Когда стало известно, что новая колдунья поселилась в пещере О-де-Мер, ее по привычке тоже стали называть Мелюзиной.

Откуда приходили эти лесные колдуньи? Какие дороги несчастий и проклятий приводили их на одни и те же места, где они заключали союз с луной, с филинами, с травами?.. Говорили, что последняя старуха – самая могущественная и самая опасная во всей округе. Рассказывали также, что она лечила лихорадку варевом из гадюки, подагру – солью из мокриц, глухоту – муравьиным маслом. Что она может запереть в маленьком лесном орешке беса из самых главных помощников Сатаны. И если преподнести такой орешек своему врагу, то повеселишься, видя, как его подкидывает до потолка, а исцелить от этой порчи может только паломничество к алтарю Божьей Матери Милосердой, что в Гатине, в церкви которой находится ковчежец с волосом и ногтем Святой Девы Марии.

К ней знали дорожку согрешившие девицы, а также и те, кому надоело ждать естественной смерти старого дядюшки с богатым наследством.

Анжелика, наслушавшись подобных рассказов, с интересом разглядывала странное создание.

– Чего ты хочешь, доченька? – тихо спросила старуха глухим голосом. – Чтобы я погадала на твою судьбу? Или хочешь, чтобы я приворожила любовь? А хочешь, я приготовлю отвар, чтобы вернуть твоё здоровье, пошатнувшееся в долгих путешествиях?

– А что ты знаешь о моих долгих путешествиях? – прошептала Анжелика.

– Я вижу вокруг тебя пустое пространство и жгучее солнце. Дай руку, я прочитаю твоё будущее.

– Я пришла с другим вопросом, – отказалась молодая женщина. – Ты ведь знаешь всех гостей леса, так скажи, где прячутся мужчины, которые время от времени собираются на молитву вместе с крестьянами из соседних деревушек и распевают псалмы? Им грозит опасность. Я хотела бы их предупредить, но не знаю места их встреч.

Колдунья забеспокоилась. Она привстала и замахала изуродованными руками:

– Почему ты, дочь света, хочешь отвести опасность от этих людей тьмы? Пусть вороны кружат над хорьками.

– Так ты знаешь, где они скрываются?

– Да как же не знать! Как я могу не знать, когда они ломают ветки, рвут мои силки и топчут мои травы? Если так будет продолжаться, я ничего не насушу для своих снадобий. Их приходит все больше, они крадутся как волки, а потом, собравшись, воют. Понимаешь, доченька, звери пугаются, птицы смолкают, горы содрогаются, и я тоже убегаю, так плохо мне от их пения... Зачем эти люди приходят в лес?

– Их преследуют. За ними гоняются солдаты короля.

– У них три вожака. Три охотника. Самый старый, самый мрачный, он тверже стали. Он у них главный. Он неразговорчив, но когда говорит, то кажется, что он вонзает нож в шею лани. И всегда толкует о крови Предвечного. Послушай-ка, что я скажу...

Она наклонилась, и её дыхание коснулось лица Анжелики.

– Послушай-ка, малышка, что я скажу. Однажды вечером я следила из-за деревьев за их сборищем. Я старалась понять, что они там делали. Главарь говорил, стоя под дубом. Он обратил взор в мою сторону. Не знаю, видел ли он меня. Но я поняла, что у него огненные глаза, потому что мои глаза стали гореть, и мне пришлось убежать. А я ведь могу смотреть в глаза кабану и волку... Вот какая в нем сила. Вот почему все остальные приходят на его зов и подчиняются без единого слова. У него большая борода. Он похож на Страшного Медведя, который смывает в источнике кровь с шерсти, после того как сожрет очередную девушку.

– Это герцог де Ла Мориньер, – заметила Анжелика, сдерживая улыбку. – Важный вельможа-протестант.

Это Мелюзине ничего не говорило. Она считала его Страшным Медведем. Однако понемногу её настроение изменилось, и серые губы растянула улыбка, приоткрыв щербатый рот. Но сохранившиеся широкие зубы оставались крепкими и белыми, словно она за ними ухаживала. Это придавало ей странный вид.

– А почему бы и не отвести тебя к нему? – спросила она вдруг. – Ты-то не опустишь перед ним взора. Ты красива, а он...

Она долго хихикала.

– Жеребец жеребцом и останется, – назидательно завершила она.

Анжелика не собиралась увлекать на гибельный путь сурового герцога де Ла Мориньера, которого называли также Патриархом. Её заботили дела другого порядка, и они не терпели промедления.

– Я пойду, пойду, – бормотала развеселившаяся Мелюзина, – я отведу тебя, маленькая щебетунья! У тебя такая ужасная, такая бурная и прекрасная судьба... Дай-ка руку.

Что она прочла?.. С ошарашенным видом она оттолкнула ладонь Анжелики, ее серые глаза заблестели, в них появился хитрый огонек.

– Ты сама пришла... Принесла соль и табак. Ты – моя сестра, доченька. Ах! Как велики твои силы!..

Преыдущая колдунья говорила то же самое маленькой Анжелике, которая, слегка напуганная, сидела на том же месте. Она теми же словами выражала удивление предначертанной судьбой этого юного существа. Испуг и интерес колдуньи всегда наполняли Анжелику наивной гордостью. Ребенком она черпала в этом уверенность, что однажды получит все, что пожелает: счастье, красоту, богатство... А сегодня?.. Сегодня, когда она уже знала, что можно всем обладать, но не испытывать от этого удовлетворения, какие чувства пробуждали в ней эти слова о таинственной силе? Она посмотрела на свою руку:

– Говори... говори еще, Мелюзина. Я одержу победу над королем?.. Спасусь от его преследований?.. Скажи, найду ли я свою любовь?

На этот раз колдунья уклонилась от ответа:

– Что я могу сказать, чего бы ты уже не знала в глубине своего сердца?

– Ты не хочешь говорить о том, что увидела, чтобы не лишать меня мужества?

– Пошли же, пошли. Чернобородый уже ждет, – усмехнулась та.

Прежде чем выйти из пещеры, она взяла какой-то мешочек и отдала его Анжелике:

– Это травы. Заваривай их по вечерам, потом выставляй под луну и пей с восходом солнца. И в руки, и в ноги твои, и во все тело твое вернется сила, а груди набухнут, словно в них молоко. Но нальются они не молоком, а молодой кровью...

* * *

Выйдя из оврага, они пошли гуськом. Колдунья шла напрямик. Она угадывала путь по едва заметным приметам.

Небо за деревьями потемнело.

Анжелика подумала о Монтадуре, своем страже. Не заметит ли он ее отсутствия? Вряд ли. Он считал необходимым приветствовать ее по утрам. На этом настаивали господа де Марийяк и де Солиньяк. Не докучать пленнице, но и не терять повседневной бдительности. Толстяк-капитан предпочел бы, вероятно, почаще общаться с пленницей, но надменность Анжелики его смущала. Ее ледяной взгляд пресекал всякую попытку завязать разговор или пошутить. Она молча смотрела, как, прерывая свои тяжеловесные комплименты и покусывая рыжий ус, он выходит из комнаты, говоря, что отправляется гоняться за еретиками, что составляло его вторую обязанность. Каждый день после обеда он садился на своего могучего коня в яблоках и отправлялся с группой всадников лично присутствовать при обращении в истинную веру жителей разукрашенных по такому случаю деревень. Иногда он привозил с собой какого-нибудь особенно упрямого протестанта и занимался им лично. И тогда из пристроек замка доносились удары и хриплые крики: «Отрекись! Отрекись!»

Если своим усердием во славу Господа капитан Монтадур старался вызвать восхищение маркизы дю Плесси, то он глубоко ошибался. Она его не выносила. Тщетно старался он развлечь ее своими подвигами. Но в то утро капитан заговорил о каком-то пасторе, прибывшем из Женевы. Оповещенный шпионами, он надеялся арестовать его в тот же вечер в замке Грандье, где пастор остановился. Анжелика стала прислушиваться.

– Пастор приехал из Женевы? А зачем?

– Чтобы подстрекать этих нечестивцев к бунту. К счастью, меня уже предупредили. Сегодня вечером он выйдет из леса, где встречается с проклятым Ла Мориньером. А я подка-

раулю его возле замка Грандье. Может быть, вместе с ним выйдет и герцог? Тогда я арестую и его. Ах! Господин де Марийяк не ошибся с выбором, поставив меня во главе этого предприятия. Поверьте, мадам, на будущий год в Пуату уже не останется ни одного протестанта.

Она позвала Ла Вьолета, бывшего камердинера Филиппа:

– Ты ведь исповедуешь реформатскую веру, так, верно, знаешь, где прячется герцог Ла Мориньер и его братья? Их надо предупредить, чтобы они не попали в западню.

Слуга ничего не знал. Немного поколебавшись, он признался, что иногда герцог дает ему поручения, присылая с записками специально обученного сокола, а сам он передает мятежным протестантам то, что узнает от солдат. Но это очень немногое. Монтадур не так глуп, как кажется, и хоть и болтлив, но выдает немногое.

– Поэтому, мадам, о протестантском пасторе, о котором вы говорите, солдатам ничего не известно, руку даю на отсечение. Им сообщат в самую последнюю минуту. Капитан ведь такой недоверчивый и подозрительный.

Анжелика послала Ла Вьолета в замок Грандье предупредить его владельцев. Но те тоже не знали места встречи в лесу. Изгнанники часто меняли свои стоянки. Господин Грандье направился в лес, но его остановили драгуны, как бы случайно объезжавшие эти владения.

И тогда Анжелика вспомнила о колдунье Мелюзине:

– Я сама пойду в лес и найду их.

Она уже давно обдумывала, как сбежать под носом у Монтадура. Удлинить привязь, на которой ее держали... Кажется, сейчас ей это удастся.

* * *

Колдунья остановилась и предостерегающе подняла костлявый палец:

– Слушай.

Из-за темных скал сквозь листву доносился шум, похожий на порыв ветра, но по мере приближения стала слышна мрачная мелодия, протяжный призыв: там распевали псалом.

Протестанты собрались на берегу речки Вандея, в Теснине Великана, куда, по преданию, Гаргантюа столкнул плечом огромные круглые валуны.

Красный отсвет костра разгонял сумерки, окутавшие собравшихся. Едва виднелись белые головные уборы молившихся женщин и черные фетровые шляпы с большими полями крестьян-гугенотов.

Потом в круг света костра вступил какой-то мужчина. По описанию колдуньи Анжелика без труда признала герцога Самюэля. Его фигура бородатого охотника поражала воображение. Он сразу не понравился Людовику XIV, когда появился в Версале, намереваясь в любой придворной крамоле играть ту роль, что в прошлом веке принадлежала адмиралу де Колиньи. С тех пор, впав в немилость, он жил на своих землях.

Герцог носил высокие сапоги до середины бедра, черный суконный камзол, перетянутый широким ремнем с кинжалом. На боку висела шпага на перевязи. Голову покрывала плоская старомодная шляпа с пером, которую продолжали носить провинциальные гугеноты, потому что она делала их похожими или на Кальвина, или на Лютера – в зависимости от дородности их фигуры. Всем своим видом герцог Самюэль де Ла Мориньер внушал страх. Он казался несовременным, выходцем из эпохи людей грубых нравов, насилия, противников утонченности. Здесь, в окружении диких скал и ночной темноты, он был на своем месте. Герцог заговорил, и его голос отозвался грозным эхом трубного гласа. Анжелика содрогнулась.

– Братья и сыновья. Приходит день, когда после долгого молчания нам следует поднять голову и понять, что служение Господу требует дел... Откройте Книгу книг... Что находим мы там?..

– Предвечный победно наступает. Он возжигает свой пыл как истинный воин. Возвышает глас свой. Издаёт клики. Являет нам силу свою в борьбе с неверными. Я долго хранил молчание, – сказал он. – Я умолк, я ждал... Но теперь я разрушу горы и холмы. Я испепелю все живое... Доверившиеся рукотворным идолам, говорящие им... вы наши боги... Они отступят в глубоком смятении...

Его голос гремел. Анжелика чувствовала, как по спине пробегает дрожь. Она хотела взглянуть на колдунью, но та бесшумно исчезла.

Между ветвями деревьев виднелось светло-перламутровое небо, но во мраке Теснины Великана царило нарастающее чувство гнева.

– Но что мы можем против солдат короля? – раздался одинокий голос.

– Все. Нас больше, чем королевских солдат, и Бог нам в помощь.

– Король всемогущ!

– Король далеко, и он бессилен против целой провинции, решившей защищаться.

– Нас предадут католики.

– Католики, как и мы, боятся драгун. Их тоже задавили налогами, и еще раз замечу, их меньше, чем нас. И самые богатые земли тоже принадлежат нам...

Где-то совсем близко дважды прокричала сова.

Анжелика вздрогнула. Ей показалось, что все смолкло в Теснине Великана. Когда она снова туда взглянула, высокородный гугенот смотрел в ее сторону. Пламя костра придавало красноватый отблеск его глубоко посаженным глазам под черными бровями. «Огненный взгляд, – говорила колдунья. – Но ты его выдержишь».

Снова прозвучал крик совы, нежный и трагический. Что это, сигнал тревоги?.. Предупреждение о возникшей для проповедников опасности?.. Анжелика прикусила губу. «Так надо, – сказала она себе. – Это моя последняя карта!»

И начала спускаться к собравшимся гугенотам, цепляясь за колючие ветки кустарников.

Отправляясь в Теснину Великана ради спасения женевского пастора, Анжелика понимала, что выбрала свой путь и что возврат почти невозможен.

Но только Самюэль де Ла Мориньер, Патриарх, мог разрушить в верноподданнических гугенотских сердцах веру в монарха.

Самюэль де Ла Мориньер, Патриарх, уже достиг пятого десятка. Вдовец и отец трех дочерей – что заставляло его неустанно горевать, – он проживал в своих владениях вместе с женатыми братьями Уго и Ланселотом, отцами многочисленных чад. Жизнь всего нелюдимого племени проходила под строгим надзором Патриарха, разграниченная на молитвы и охоту. Отошли времена праздников, проходивших в этих пышных залах. В замке Ла-Мориньер женщины разговаривали тихо и совсем не умели улыбаться. Дети, окруженные многочисленными наставниками, с раннего детства изучали древнегреческий, латынь и Священное Писание. Мальчиков учили владеть рогатиной и кинжалом с широким клинком. Возможно, Ла-Мориньер уже с первой встречи с Анжеликой – этой вышедшей из сумрака леса босоногой женщиной с золотыми волосами, спрятанными под капюшоном пастушьей накидки, и с изысканной речью знатной дамы – почувствовал в ней неосознанную страсть и горечь, которые ждали момента вылиться в поступки и сделают ее послушной исполнительницей его планов?

Глава VII

Человек, трубивший по вечерам в рог, на какое-то время избежал преследований Монтадура. Возможно, потому, что мелкое поместье Рамбур находилось поблизости от Плесси и капитан не сомневался, что всегда сможет наложить свою тяжелую лапу на этого бледного дрожащего гугенота, обреченно ожидавшего своего часа сыграть роль жертвы.

В юности Анжелика с сестрами частенько насмехались над нескладным парнем с выдающимся адамовым яблоком, они встречали его на деревенских сходах или на ярмарках в соседних городках. С годами у барона де Рамбура появились длинные печальные усы, постоянно беременная жена и толпа маленьких бледных гугенотиков, цепляющихся за полы его одежды. В противоположность большинству своих единоверцев, он оставался крайне бедным. Местные говорили, что его род проклят в девятом колене из-за предка-рыцаря, который попытался обнять спящую фею в замке на берегу речки Севр. Проклятие, вероятно, только усугубилось, когда Рамбуры перешли в кальвинизм. Исаак, последний в роду, жил под сенью своей башни, увитой плющом, и его талант и занятие состояли в умении трубить в рог. Всеобщее удивление вызывало могучее дыхание, которое таилось в его тощем теле. Вся округа приглашала Исаака Рамбура участвовать в охоте, потому что он умел придавать различным сигналам широкое и мощное звучание, приводившее в возбуждение охотников, собачьи своры и саму дичь.

Но в последний год охоты случались редко. Мелкие помещики – и католики, и протестанты – сидели по своим углам, ожидая конца волнений, вызванных появлением солдат. Барону де Рамбуру пришлось откликнуться на увещевания герцога де Ла Мориньера, устоять перед настойчивостью которого было трудно.

* * *

Анжелика поняла это еще лучше, когда увидела предводителя гугенотов в черном развевающемся плаще, шагавшего по ландам ей навстречу. На фоне бледно-золотистого неба он выглядел еще более внушительным, чем в полутьме Теснины Великана. С ним вместе шли его братья.

Место встречи на опушке леса нависало над окрестностями обрывистой скалой. На этой полоске земли, заросшей дроком, некогда располагался римский лагерь. Здесь же находился маленький полуразрушенный храм, посвященный Венере, покрытый цветущими асфоделями.

Вероятно, на границе между проклятым заливом и полным опасностей галльским лесом римляне молились богине о сохранении их мужской силы, которой угрожали кроваво-жадные пиктоны, также не упускавшие случая поднести собственным богам ужасные трофеи. Сохранились руины, каменный портик, две колонны да антаблемент с латинскими надписями. Анжелика уселась в их тени.

Герцог сел напротив на квадратный каменный блок. Оба брата держались поодаль. Римский лагерь служил одним из мест сбора. Крестьяне-гугеноты прятали в храме съестные припасы и оружие для изгнанников. С этого места хорошо просматривалась вся округа, и поэтому не грозило незаметное нападение.

Герцог еще раз поблагодарил за заботу о безопасности женевского пастора. Этот поступок доказывал, что барьер между верами преодолим, когда для свержения тиранической власти объединяются оскорбленные души. Ему известно, что она тоже много претерпела от короля. Впрочем, разве не стерегут ее как узницу и теперь? И как это мадам дю Плесси уда-

лось к ним выбраться? Анжелика объяснила, что воспользовалась подземным ходом. Монтадур ни о чем не подозревает.

Не отвечать на вопросы герцога де Ла Мориньера было невозможно. Его повелительный тон тотчас принуждал собеседника вступать в объяснения. Он не сводил с нее пристального взгляда глубоко запавших глаз под кустистыми черными бровями. Словно два золотистых огонька. Их резкий блеск утомлял. Анжелика отвела взор. Она вспомнила колдунью, которая боялась этого темного служителя Господа.

Ради сегодняшней встречи Анжелика выбрала туалет, приличествующий ее рангу, – богатое платье темного атласа. В корсете, сжимавшем талию, и в трех тяжелых нижних юбках в складку не так-то просто было пролезть через узкий проход, ведущий в лес. Сопровождавший ее Ла Вьолет нес ее мантию. Как хорошо воспитанный слуга, он застыл в отдалении. Анжелика хотела придать этой встрече некоторую торжественность, чтобы при разговоре с герцогом чувствовать себя ровней.

Она сидела под римским портиком, потемневшим от времени. Носки красных кожаных башмачков выглядывали из-под платья цвета спелой сливы, а волосы слегка выбивались на ветру из тщательно уложенной прически. Она слушала с замиранием сердца. Низкий голос герцога одновременно привлекал и волновал. Анжелике казалось, что под ногами разверзлась пропасть. И туда предстоит прыгнуть.

– Что, сударь, вам угодно от меня?

– Чтобы мы вступили в союз. Вы католичка, я реформат, но мы можем действовать вместе. Это союз гонимых, союз свободных умов... Монтадур проживает под вашей крышей: наблюдайте за ним и оповещайте нас. Ну а ваши крестьяне-католики...

Он наклонился, заговорил тише, чтобы лучше довести до ее сознания свое властное требование:

– Убедите их, что им нечего делить с нашими крестьянами, такими же жителями Пуату, как и они сами, что враг – это солдаты короля, пришедшие разграбить наши дома... Напомните им о сборщиках налогов, о талье,¹ о подушной подати. Разве не лучше им будет жить, как некогда, под управлением своих сеньоров, чем трудиться ради далекого короля, который в награду присылает на постой армии чужаков...

Он говорил, наклонившись над ней, его руки в кожаных перчатках сокольника упирались в массивные бедра, и Анжелике уже не удавалось избежать его взгляда. Он убеждал ее в своей вере в безнадежное дело, похожее на конвульсивные попытки связанного великана порвать свои путы. Ей казалось, что она видит, как великий крестьянский народ, из которого вышла и она сама, поднимается, напрягается в нечеловеческом усилии, чтобы вырваться из смертельного парализующего закабаления того, кто раньше был сеньором только Ильде-Франс. Денье, собранные с полей Бокажа, тратятся на развлечения в Версале, на бесконечные войны на границах Лотарингии или Пикардии. Представители знатных имен Пуату, превратившись в слуг, подают королю сорочку или подсвечник, а их поместья остаются в руках недобросовестных управляющих. Другие дворяне беднеют, оставаясь на своих землях, и фискальные службы по клочку растаскивают их земли. И знатные соседи презирают их за то, что они не сумели понравиться королю. Сегодня разорение и голод, как змеи, расползаются по стране с приходом армий, присланных в поспешное исправление всякой справедливости и здравого смысла. Они наводят отчаяние на тех, кто растит пшеницу, охраняет стада на пастбищах и собирает плоды, – всех этих крестьян с мозолистыми руками, в больших черных шляпах. И не важно, католики они или гугеноты...

Анжелика все это знала. Но внимательно слушала. Ветер усилился. Она вздрогнула и отвела прядь волос, которая постоянно падала на лицо. Подошел Ла Вьолет и протянул

¹ Талья – земельный налог.

ей мантию. Она нервно укуталась. Вдруг она заломила руки и подняла на де Ла Мориньера взволнованный взгляд.

— Да, — воскликнула она, — я помогу вам, но тогда... тогда ваша война должна быть открытой и грозной. Чего вы ждете только от молитв, которые распевают в оврагах?.. Вы должны захватывать города, перекрывать дороги. Вы должны превратить провинцию в укрепленный бастион до того, как успеют прислать подкрепление. Вы должны перекрыть все выходы на севере и на юге... Нужно вовлечь в эту войну и другие провинции, Нормандию, Бретань, Сентонж, Берри... Пусть король признает в вас равного правителя и вынужден будет вступить с вами в переговоры и принять ваши условия...

Порыв Анжелики потряс де Ла Мориньера. Он встал. Его лицо побагровело. Глаза метали молнии. Он не привык, чтобы женщина разговаривала с ним в таком тоне. Но герцог сдержался. Несколько минут он хранил молчание, теребя длинную бороду. Он вдруг понял, что может рассчитывать на необузданную силу этого создания, которое раньше казалось ему подобным всем женщинам. Но теперь он вспомнил некоторые изречения одного из своих дядьев, служившего при Ришелье, который охотно использовал дам в своих шпионских делах или в политических интригах: «Женщины вдвое сильнее мужчин, когда речь идет о подрыве основ города... Даже если они во всеуслышание признают себя побежденными, то про себя никогда так не думают. Для манипулирования женской хитростью, этим разящим оружием, нужны надежные перчатки, но более грозного оружия я не знаю...» Так считал Ришелье.

Он тяжело дышал:

— Мадам, ваши слова справедливы. Действительно, таковы цели, к которым необходимо стремиться. И если мы не стремимся к этим целям, то лучше сразу сложить оружие... Наберитесь терпения. Помогите нам. И клянусь вам, этот день придет!

Глава VIII

Вдруг резко возросло число убийств и стычек. По всей округе растеклась ненависть к красным драгунам, подобно тому как растекается на тысячу ручейков ключ, бьющий на поле среди травы. Все началось с того, что на перекрестке Трех Филинов обнаружили четверых повешенных драгунов с табличками на груди: «Поджигатель», «Грабитель», «Голод», «Разорение». Их товарищи не посмели снять тела, потому что место находилось возле леса, в котором, как стало известно, прятались шайки протестантов. Зловещие ярко-красные призраки долго висели, медленно раскачиваясь и напоминая прохожим о тех угрозах, которые они несут провинции: пожары, разграбление, голод и разорение... Густая летняя листва служила им изумрудным храмом, роскошной часовней, в которой они казались еще более мертвыми и отвратительными.

Монтадур, брызгая от ярости слюной, хотел нанести сокрушительный удар. Чтобы вырвать сведения о логове семейства Ла Мориньер, он подверг пытке одного протестанта и повел в лес самых смелых солдат. Несколько часов блужданий в полумраке и мертвой тишине леса, среди непроходимых зарослей и огромных стволов деревьев, с которых свисали корявые переплетающиеся ветви, а предательские корни ежеминутно расставляли ловушки, подорвали их решительность. Крик внезапно проснувшейся совы завершил поражение.

– Капитан, это их сигнал. Они там, на деревьях. Сейчас они на нас посыплются с ветвей...

Драгуны беспорядочно бросились назад в поисках прогалины, видимого над головой неба и торной дороги. Они забрели в молодую поросль, заблудились, и когда в сумерках вышли наконец на опушку леса и увидели обработанные поля, то пришли в такое возбуждение, что многие упали на колени и пообещали поставить свечу на ближайшем алтаре Богородицы.

Но даже если бы они добрались до цели, то все равно вернулись бы с пустыми руками. Главаря гугенотов заранее предупредили.

Монтадуру и в голову не могло прийти, что между его неудачами и неожиданно возникшей любезностью пленницы существует какая-то связь. Она, всегда такая высокомерная и почти затворница, теперь сама заговаривала с ним, а он даже осмелился пригласить ее к «своему» столу. Он решил, что она заскучала и что наконец принесли плоды его собственные хорошо известные чары и проявленное им галантное обхождение. Он удвоил предупредительность. Этих знатных дамочек не возьмешь драгунским наскоком. Придется потрудиться. Монтадур почувствовал прелесть в медленном завоевании и уже ощущал себя поэтом. Если бы не эти проклятые гугеноты-безбожники, отравляющие такое приятное существование! Он написал господину де Марийяку, требуя подкрепления. Он не может одновременно нести охрану маркизы дю Плесси-Бельер и заниматься делом обращения еретиков, с каждым днем принимавшим все больший размах. Ему прислали второй отряд, который должен был расквартироваться в районе Сен-Мексан. Их командир, лейтенант де Ронс, прислал сообщение, что в настоящее время не может занять вышеназванные квартиры, ибо вооруженные гугеноты заняли старый замок, перекрывающий дорогу и реку Севр. Надо ли его отбивать?

Монтадур опять выругался. Что прикажете думать? Что протестанты уже не согласны, чтобы их притесняли? Этот Ронс ничего не понимает. Достаточно Монтадуру только появиться...

– Как, капитан, вы уже меня покидаете? – с обольстительной улыбкой спросила Анжелика.

Она сидела напротив него. Только что принесли корзину первых черешен, и она наслаждалась ими. Ее белые зубки сверкали на фоне красных ягод.

И Монтадур решил предоставить де Ронсу выпутываться самостоятельно. Пусть поднимется немного выше, к Партене. А при такой всеобщей озлобленности населения у Монтадура и здесь полно дел. Вот, теперь начали рассыпать гвозди под копыта лошадей. Да они все кроканы,² что гугеноты, что католики. У них в подвалах закопаны горшки, полные золотых экю, но им этого мало. Им повсюду чудятся глаза трех мистических врагов: волка, солдата и сборщика налогов.

Их, видите ли, охватывает паника, если огонь с уничтожаемого урожая протестантов иногда перекидывается на поля католиков. Ни один мужик не согласится потерять хотя бы три колоска во славу своей религии. Всех бы их в один мешок, этих жителей Пуату с арабскими глазами, вечно они за спиной грозят солдатам кулаком.

– Присылайте ко мне этих смутьянов, – сказала Анжелика, – я их отчитаю.

После этого в замке начались посещения. Приезжали также и соседи-католики. Месье дю Круассек, еще больше растолстевший, безоговорочно соглашался с планами Анжелики и принимал все указания, исходящие из уст, тайно обожаемых долгие годы. Навестили ее и супруги Фейморон, Мермено, Сент-Обен, Мазьер. Отверженная Анжелика и живущие уединенно дворяне Бокажа образовали подобие светского общества. Монтадур с умилением взирал на эти визиты. Он написал господину де Марийяку, что мадам дю Плесси прилагает большие усилия, оказывая содействие в его нелегкой задаче, и что господа из Общества Святых Даров должны в душе радоваться.

Капитану все труднее становилось отрываться от блестящего общества, привлекательные стороны которого он обнаруживал с каждым днем. Очаровательная в своих элегантных нарядах, к которым она вновь обрела пристрастие, Анжелика царила в своем доме.

Неужели вернувшись цветом лица и блеском волос она обязана таинственному напитку, приготовленному из трав колдуньи? Теперь в ее теле бурлила новая сила, а в душе – страсть. Она вновь обрела пьянящее чувство неуязвимости, которое часто охватывало ее при выполнении трудной задачи. Конечно, иногда это чувство оказывалось обманчивым. Почва под ногами становилась ненадежной, усиливался жар, собиралась гроза, как в июле, когда на голубом раскаленном небе начинают сгущаться тучи.

Лето вошло в свои права. Наступил сенокос. Но слишком часто работы прерывались. «Драгуны волокли женщин за волосы, если те отказывались добровольно идти на мессу, им прижигали ступни, и войска любым путем добивались своего...» И неоднократно крестьяне, вооружившись цепями, давали отпор грабителям или этим «миссионерам», обращающим в истинную веру.

Волнения нарастали.

² Кроканы – участники ряда крестьянских восстаний во Франции в конце XVI века и первой половине XVII века.

Глава IX

Герцог де Ла Мориньер пересылал Анжелике сообщения с обученным соколом Ла Вью-лета.

Птица приносила послание. Встреча назначалась ночью в римском лагере, или возле Камня Фей, или на перекрестке возле Вербного креста, или возле кладбищенской башенки с фонарем, или возле источника, или в пещере... Анжелика ходила на встречи одна. Эти ночные прогулки не только не пугали ее, но скорее доставляли удовольствие. Монтадур никогда бы не узнал свою элегантную пленницу в одетой в крестьянскую юбку из бумазеи женщине, которая с восходом луны выбиралась из подземного хода и скрывалась в кустах.

В темном лесу Анжелика чувствовала себя счастливой. В листве буков сияли тысячи алмазных капель. Они покрывали пышное одеяние каштанов и дубов и казались серебряной вышивкой.

Ее не пугала встреча с диким лесным хищником: кабаном, волком или даже медведем, которые, говорят, еще водились в здешних местах. Лес представлялся менее опасным, чем общество людей, которые наносят такие глубокие сердечные раны. И ей казалось, что она вновь обрела то простодушие, которое познала в пустыне и тоска о котором продолжала храниться в душе.

Когда она приходила на место встречи, эйфория ее покидала. Со смешанным чувством нетерпения и дурного предчувствия ожидала она появления гугенотов. В лесной тишине, нарушаемой только шорохом листьев, их шаги слышались издалека. Между деревьями виднелось красное пламя факелов.

Поначалу герцог де Ла Мориньер приходил в сопровождении своих братьев, потом все чаще он стал появляться один, и это настораживало Анжелику.

Если он был один, то не брал с собой огня. Похоже, он тоже мог видеть в темноте и знал все лесные тропинки. Когда он возникал – черный человек, под тяжелыми сапогами которого хрустели сухие ветки, – и пересекал прогалину в молочном свете луны, Анжелику охватывал необъяснимый трепет. Патриарх обладал резким и очень низким, словно замогильным, голосом, а его пылающие глаза проникали до самой глубины души. Она чувствовала в нем высокомерное презрение. Что-то в этом человеке ее отталкивало. Даже Мулай Исмаил не вызывал такой неприязни. Тот был жестоким хозяином, но как женщина она никогда его не боялась.

Мулай Исмаил любил женщин и прилагал усилия, чтобы их успокоить. Он был чувствителен к их чарам, красоте, хитростям и привлекательности. Слабая умелая ручка могла добиться уважения от этого льва пустыни.

А герцог де Ла Мориньер делил женщин только на две категории: грешниц и праведниц. Произнесенные им в Версале анафемы против прелестных искушительниц не были забыты. Он, вероятно, никогда не замечал, что его жена безобразна и неуживчива. Овдовев, он не женился вновь. Могла ли строгая жизнь, охота и покаяние погасить жар в его крови?.. Он презирал женщину, этот нечистый сосуд скудельный, и не мог смириться, что одна из них играет такую роль в деле, угодном Создателю.

Анжелика остро ощущала подобные настроения. Они ее настораживали. Но она нуждалась в его силе, только с его поддержкой могла она сопротивляться королю. Герцог пойдет до конца. Но, вступив в союз с гугенотом, она чувствовала свою вину перед Богом и Девой Марией.

Противоречия в их взглядах обнаружились однажды ночью, когда оба спускались по горной тропе, направляясь к болотам. Герцога там ожидал приплывший по протокам пастор из Нюра, и Анжелика вызвалась его проводить. Лес поредел, через расступившиеся деревья

лился серебристый свет яркой луны, и в пространстве, неожиданно открывшемся внизу, они увидели сияющие аметистовые крыши и прозрачные колоколенки.

Под их ногами лежала оправа, вырезанная из чистого серебра, – творение света и тьмы, – где гирлянды черного бархата внутренней монастырской галереи повторяли белый рисунок дворика, словно припиленного в центре резными стенками колодца. Ньельское аббатство.

Анжелика затаила дыхание. Какое чудо!.. Там внизу лежало аббатство, безмятежное, обнесенное стенами, полное шепота монашеских молитв. На Анжелику нахлынули воспоминания об одной ночи, проведенной в его стенах. Она была ребенком, когда брат Жан вырвал ее из сомнительных затей толстого брата Тома. Он привел ее в свою келью, где она оказалась в безопасности, и смотрел на нее со светлой нежностью: «Вас зовут Анжелика... Анжелика, Дочь Ангелов!» – и, жалуясь, показал ей синие кровоподтеки на своем теле: «Посмотрите!.. Посмотрите, что сделал со мной Сатана!»

Ее душой овладело очарование той мистической ночи.

– Да будут прокляты эти монахи-идолопоклонники... – раздался полный ненависти голос герцога де Ла Мориньера. – Придет день, и огонь небесный поразит эти стены и не оставит камня на камне... И земля очистится.

– Замолчите, еретик! – вне себя от гнева обернулась к нему Анжелика. – Вы еретик!.. Ах! Ненавижу вашу гнусную секту.

Эхо возвратило ее крик, и Анжелика замерла. Ее нервы напряглись от бессильного гнева и страха. Герцог подошел к ней. Она слышала его учащенное дыхание. Он опустил тяжелую руку ей на плечо, и пальцы в кожаной перчатке клещами впились в тело. Горло перехватило. Напрасно пыталась она скинуть его руку. Близость герцога грозила опасностью. Он загораживал лунный свет, и Анжелика уже не могла стоять спокойно, задыхаясь до головокружения от исходившего от него запаха воина и охотника.

– Что вы сказали? – выдохнул он. – Вы нас ненавидите? Какая разница! Все равно вы будете нам помогать. Вы нас не предадите, – продолжал он, и в его голосе проскользнуло некоторое сомнение.

– Я никогда никого не предавала! – гордо возразила она, глотая слезы.

Ноги ее дрожали. Анжелика боялась, что лишится чувств и будет вынуждена на него опереться. Она напряглась, чтобы освободиться от вцепившейся в ее плечо руки.

– Отпустите, – беспомощно попросила она, – вы пугаете меня.

Тиски разжались, и он медленно снял руку.

Анжелика пошла вперед. Сердце сильно билось. Ее охватил страх. Она боялась и его, и себя. Ее пугало, что она рухнет в эту безымянную тьму, которую лес уготовил для страстей. На рассвете, проступившем между деревьями, сначала сером, потом рыжевато-красным, они подошли к жилищу углежогов. Анжелика замерзла и зябко куталась в плащ.

– Эй! Вилланы, – закричал герцог, – найдется у вас овощной суп, хлеб и сыр?

В одной из почерневших хижин они уселись на шаткие скамьи перед столом, на который хозяйка поставила горшок с молоком и блюдо горячей фасоли с салом и луком. Полуголые дети, вымазанные углем до самых глаз, изумленно смотрели, как двое пришельцев ели в полном молчании. Чернобородый мужчина и женщина с влажными от росы золотистыми волосами, рассыпавшимися по плечам. Они возникли перед ними как призраки, выйдя из ночной тьмы сквозь предрассветный туман, и пересекли поле, покрытое золой.

Анжелика украдкой бросала взгляды на герцога де Ла Мориньера. Ее тянуло к нему, вероятно, потому, что своей мощной фигурой он немного походил на Колена Патюреля. Но Колен Патюрель – это Адам, совершенный человек из утраченного рая. А этот – воплощенный грех, человек тьмы.

* * *

– Он подходил к дверям вашей спальни, – прошептала Бертилия, молоденькая служанка, когда она вернулась в Плесси.

– Кто подходил?

– Да Гаргантюа! Он стучался, звал вас... Но вы не ответили.

«Понятно почему», – подумала Анжелика.

Капитан Монтадур явился и на следующую ночь.

– Маркиза! Маркиза! – звал он.

Его руки шарили по закрытой двери, а пуговицы мундира на толстом животе терлись о деревянную поверхность.

Анжелика слушала, приподнявшись на локте. Любовная страсть Монтадура, томящегося ночью за дверью, скорее беспокоила, чем пугала ее.

По сути, бояться приходилось ему. Необъяснимая тишина царила за дверью и в прошлую ночь, и теперь. Здесь нетрудно поверить и рассказам челяди, что по ночам их хозяйка оборачивается ланью и носится по лесам.

* * *

Время шло. На яблонях уже наливались яблоки. И вдруг трое братьев Ла Мориньер начали посещать все уголки провинции. И от Тифожа на севере до Монконтюра на востоке вспыхнуло сопротивление протестантов невиданной силы.

«Оставайтесь на месте, – писал Марийяк капитану Монтадуру. – Ваш район является центром восстания. Постарайтесь схватить главарей шаек мятежников...

Внимательно следите за поднадзорной особой, – добавлял он в постскрипуме. – Я отмечаю, что волнения разрастаются, и, возможно, не без ее участия».

Губернатор провинции возглавил отряд копеечников на севере Пуату. Четыре протестантские деревни, подвергшиеся осаде наступающих солдат, были сожжены. Схваченных мужчин повесили. Остальные пополнили войско, набранное Ла Мориньером. Тогда собрали женщин и детей и выгнали их на дорогу, предварительно зачитав следующий эдикт: «Никому не дозволяется помогать советом или оказывать помощь и содействие еретикам из деревень Нуартер, Пьерфит, Кэнже и Арбек, а также давать им приют, кормить, поить или давать огня, а также совершать любой другой милосердный поступок».

После этого губернатор с войсками направился вглубь Пуату, преследуя банды протестантов. Они получили сведения, что трое братьев де Ла Мориньер сконцентрировали значительные силы. Губернатор запросил помощи у ополчения города Брессюир. Но этот город, населенный по преимуществу протестантами, прислал незначительное количество людей, и почти одновременно с этим господин де Марийяк получил известие, что малочисленный отряд де Ла Мориньера, воспользовавшись отсутствием защитников, вступил в город. С криками «Город взят! Город взят!» они рассыпались по пустынным улицам и разграбили оружейные лавки.

Господин де Марийяк не потрудился отбить город. Он все еще не хотел признавать, что эти стычки принимали размах религиозной, если не сказать гражданской, войны. Он заехал в Плесси, чтобы посоветоваться с Монтадуром.

С горных отрогов Ньельского леса восставшие гугеноты могли наблюдать, как по римской дороге растянулась серая лента солдат с густым частоколом пик.

На следующий день войска ушли, оставив драгунам Монтадура небольшое подкрепление. Враждебность населения, даже католиков, обеспокоила губернатора. Солдатам отка-

зывались продавать хлеб и вино, их забрасывали камнями. Марийяк не решился оставить войска, остерегаясь вызвать усиление волнений. Он отвел солдат за Пуатье и отправился в Париж обсуждать с министром Лувуа меры, которые необходимо принять в данных обстоятельствах.

Глава X

Анжелика бежала как сумасшедшая, не разбирая дороги, цепляясь за кусты, яростно выдергивая плащ, не обращая внимания на хлеставшие ее ветки.

– Вы разбили статуи! – закричала она, едва завидев Самюэля де Ла Мориньера.

Он стоял возле Камня Фей, черный, как доисторическая фигура из обсидиана. Он показался ей ненавистным, как образ воплощенного зла. И чем больше внушал он ужас, тем больше она горячилась:

– Это вы – предатель! Вы меня обманули! Вы просили заключить союз с католиками только для того, чтобы их уничтожить. Вы человек без чести!

Вдруг у Анжелики перехватило дыхание. Голова гудела. Ей показалось, что полная луна над вершинами дубов, окружавших поляну, танцует и мечется во все стороны. От соприкосновения с холодным камнем ей стало лучше.

– Вы меня ударили! – с трудом выдохнула она.

Сняв перчатку, он дал ей пощечину.

– Вы меня ударили!

Хищная улыбка появилась в черной бороде Патриарха.

– Вот так я расправляюсь с нахальными тщедушными бабами. Ни одна из них никогда не разговаривала со мной в таком тоне.

Возмущение от испытанного унижения ослепило Анжелику. Она нашла единственный довод, чтобы уязвить этого фанатика:

– Женщины!.. Поверьте, для них даже уважение Сатаны и то приятней вашего.

Но ей тотчас пришлось пожалеть об этих словах. Он схватил ее обеими руками и, рыча, принялся яростно трясти:

– Мое уважение! Мое уважение!.. Кто говорит об уважении! Гнусное порождение греха!.. Злосчастное отродье!..

Он с безумной силой прижал ее к себе, шумное дыхание обжигало ей лицо. Теперь стали понятны ее страхи. Вероятно, она бессознательно предчувствовала, что он убьет ее, что она умрет от его руки. Он задушит ее или перережет горло. В таком глухом лесном углу это нетрудно сделать. Вот и жертвенный камень рядом.

Но все же она продолжала яростно отбиваться, стараясь вырваться, обдирая кожу о пряжки его поясного ремня и грубую ткань камзола. Понемногу она уступила силе противника. Страх сменяло другое чувство, не лишенное примитивного зова плоти, жадного и слепого. Любовный пыл, охвативший мужчину, лишал ее сил, она теряла и способность сопротивляться, и стремление вырваться.

Анжелика оказалась на земле, хриплое дыхание разрывало горло, глаза слепила яркая луна, освещавшая лицо.

Ее движения становились вялыми.

Пропало представление о происходящем... о том, кто с ней. Голова запрокинулась. Обнаженные бедра касались холодной земли.

И пока тело отдавалось, в мозгу возникли безумные видения, галлюцинации, в которых перемешивались магические чары поляны друидов и предсказания колдуньи.

Анжелика закричала.

Отчаянным движением она освободилась от его хватки, откатилась по земле, потом вскочила и бросилась в лес.

Анжелика долго бежала, подгоняемая ужасом. Она не заблудилась, потому что по этим темным тропинкам, многократно исхоженным в последние месяцы, ее вел инстинкт. По временам она останавливалась и неудержимо рыдала, прижавшись лбом к дереву. Она готова

была возненавидеть полное безразличие леса, этого властелина, безучастно укрывающего и молящихся монахов, и преследуемых гугенотов, распевающих псалмы, и браконьеров, и волчьи свадьбы, и даже языческие обряды колдуний.

Она чувствовала себя затерянным в мире несчастным бесприютным ребенком, испытывающим боль от самой жизни.

Еще стояла глубокая ночь, когда Анжелика добралась до Плесси.

Она дважды прокричала совой, привычным жестом приложив сложенные ладони к губам. Слуги ее поджидали. С высоты башен прозвучал ответный крик.

Мальбран Укол Шпаги, с горящим фитилем в руках, встретил ее в подвале возле входа.

– Так, мадам, больше не может продолжаться, – заявил он. – Какая неосторожность – бегать ночами по лесу. В следующий раз я пойду с вами.

Старый конюший, должно быть, заметил ее растрепанные волосы, беспорядок в туалете и плохо стертые следы слез на щеках. Она выпрямилась и приняла обычное выражение, поспешно нащупывая в кармане накидки носовой платок.

– Хорошо, в следующий раз вы пойдете со мной. Или пусть лучше пойдет Ла Вьолет, ведь лесная сырость не для ваших старых ран. Хотя я не очень-то доверяю этому парню, – добавила она со вздохом. – Да и кому теперь верить?

Они вышли из подвала и поднялись в притихший дом. Анжелика попыталась беззаботно улыбнуться.

– А тот людоед уже спит? – спросила она, указывая на апартаменты капитана Монтадура.

* * *

В спальне Анжелика сняла изодранную одежду и вымылась в соседней туалетной комнате. Ей казалось, что горячие руки предводителя гугенотов все еще охватывают ее спину, что грубые, мозолистые ладони касаются ее кожи.

Анжелика взяла кувшин и облилась прохладной водой. Потом завернулась в пеньюар и расчесала волосы, в которых застряли былинки.

Все тело ужасно болело. Ее не оставляла мысль о случившемся сегодня ночью. Это напомнило горькие переживания, причиненные сумасшедшим истериком Эскренвилем. «А я-то думала, что хуже уже ничего не бывает», – подумала она. Потом Анжелика вернулась в спальню и поставила подсвечник возле зеркала.

Наклонившись, она рассматривала свое отражение и отмечала изменения, происшедшие за последние недели. К ней вернулся гладкий овал лица. Глаза уже не казались такими запавшими, а губы вновь стали, как лесная земляника, розовыми и блестящими.

Только под скулами оставались новые тени, немного трагичные, нанесенные пережитыми страданиями. Они придавали лицу, так долго казавшемуся девичьим, маску надменной зрелости.

Фаворитка исчезла. Возникла королева.

«А вдруг худшее еще впереди?..»

Ей захотелось смягчить некоторую ожесточенность выражения. А как будет выглядеть это новое лицо под гримом Версаля?

Она открыла створки туалетного столика и вынула горшочки из оникса с кремами и пудрой. Там же находился и ларчик сандалового дерева, инкрустированный перламутром. Анжелика взяла его и открыла. Совсем машинально...

Просто чтобы перебрать скопившиеся там реликвии ее переменчивой жизни: перо Грязного Поэта, кинжал Родогона Цыгана, деревянное яйцо малыша Кантора, ожерелье женщин дю Плесси-Бельер, которые «начинали мечтать о войне или о Фронде», едва только его

надевали... Рядом лежали два кольца с бирюзой, одно – Бахтияр-бея, другое – Османа Ферраджи... «Ничего не бойся, Фирюза, потому что звезды рассказывают... самую прекрасную в мире историю...» Не хватало только золотого кольца – кольца ее первого замужества, которое она потеряла, пока жила во Дворе Чудес. Она подозревала, что его украл у нее бандит Никола во сне.

Трудный путь, на котором светлые периоды чередовались с беспросветной тьмой с тех пор, как по воле короля она осталась вдовой без имени, без прав и без средств к существованию. Ей не исполнилось тогда и двадцати. Следующие годы, после брака с Филиппом и до отъезда в Кандию, – годы, прожитые в блеске королевского двора, можно считать мирным периодом. Да, конечно, если оценивать жизнь по достигнутому успеху, по ее положению великосветской дамы, у которой особняк в Париже и апартаменты в Версале. Она порхала с одного праздника на другой. Но если перечислить все интриги, в которые ее вовлекали, все расставленные на ее пути ловушки, то мирным этот период назвать нельзя. Но в той жизни хотя бы существовал определенный порядок и она жила среди сильных мира сего.

Разрыв с королем вверг ее в хаос. Что там говорил великий маг Осман Ферраджи?

– Та сила, которой наделил тебя Создатель, не позволит остановиться, пока не окажешься в предназначенном тебе месте.

– А где это место, Осман-бей?

– Я не знаю. Но пока ты его не достигнешь, ты будешь все крушить на своем пути, даже собственную жизнь...

Она снова встретится с Самюэлем де Ла Мориньером. Придется! Анжелика принялась поносить его в душе. Ее раздражало болезненное волнение, которое все еще не улеглось и вновь вспыхнет при встрече. Этот мужчина старше ее более чем на двадцать лет. Это бездушный еретик, мрачный и жестокий. Но он владеет ее мыслями. Анжелике хотелось узнать, действительно ли он обладал сверхъестественной силой, так ее напугавшей. Ее горло сжималось, когда в памяти возникали некоторые моменты их борьбы.

Кончиками пальцев она взяла из одного горшочка немного розового крема и легкими движениями начала втирать его в виски. Прозрачное, как лесная вода, зеркало отражало блеск ее волос. Но вдруг в нем стали возникать, словно в кошмаре, неясные очертания человека. Фигура приближалась неуверенной поступью, в центре ее светилось рыжее пятно – усы капитана Монтадура.

Он крадучись подошел к ее спальне, повернул ручку и с удивлением обнаружил, что дверь не заперта. Но за первой радостью победы пришел страх. Слегка задышавшись, пригнувшись, он вглядывался в полумрак комнаты, освещенной одной единственной свечой. И увидел Анжелику, стоящую перед зеркалом.

Неужели она превратится в лань?

Через длинный пеньюар просвечивали ее безупречные формы. Распущенные золотистые волосы покрывали плечи. Она слегка наклонила голову, и под пальцами на ее щеках расцвели прекрасные розовые цветы.

Тогда он решился подойти поближе.

Анжелика повернулась и остолбенела:

– Это вы?

– Разве, моя красавица, вы не оказались столь добры, что оставили незапертой свою дверь?

Пот катился с него градом, а глаза почти исчезли за толстыми красными щеками, расплывшимися в улыбке, которой он стремился придать игривость. К тому же от него разило вином, а протянутые руки дрожали.

– Ну же, моя прелестница, разве недостаточно вы меня истомили? Да вам, наверное, тоже уже не терпится, вы ведь так молоды. Мы славно проведем времечко вместе...

Он знал, что не отличался галантностью. Заплетающийся язык никак не мог справиться с мадригалом, который он старался произнести, и выходили только непростительные банальности. Тогда он отважился на более решительный поступок и грубо обхватил молодую женщину. Она почувствовала отвращение от соприкосновения с его дряблым брюхом и отпрянула назад, опрокинув один из горшочков из оникса. Он упал на каменный пол и разбился.

Опять мужские руки, повсюду к ней тянутся мужские руки: короля, пьянчуги, гугенота и прочих, но неизменно мужские руки и прижимающиеся мужские тела...

Она выхватила из шкатулки тонкий кинжал Родогона Цыгана и с угрозой выставила его перед собой тем неуловимым жестом, которому научила ее Полька:

– Убирайтесь... или я заколю вас, как борова.

Капитан, выпучив глаза от такого неожиданного зрелища, отступил на два шага.

– По... почему?.. – забормотал он. – Да ведь она на это способна!..

Он переводил недоверчивый взгляд с блестящего лезвия кинжала на сверкающие глаза той, что его держала:

– Ладно! Ладно... Мы просто не поняли друг друга...

Он обернулся и увидел столпившихся в темной комнате слуг, которые загораживали дверь. Мальбран с обнаженной шпагой, слуги – кто с палкой, кто с ножом, а Лэн Пуару, повар в белом колпаке, и его повара в вооружении вертелами и шпиговальными иглами.

– Чем могу служить, господин капитан? – спросил конюший с угрозой в голосе.

Монтадур посмотрел на открытое окно, потом на дверь. Что тут делает весь этот сброд с дикими глазами?

– Убирайтесь! – прорычал он.

– Приказы нам отдает только наша госпожа, – иронично откликнулся Мальбран.

Ла Вьолет бесшумно проскользнул к окну и закрыл его. Теперь Монтадур не мог даже позвать на помощь. Он подумал, что им ничто не помешает убить его шпагами или шпиговальными иглами. Его люди располагались снаружи, да и оставалось их в замке только четверо, остальных он отправил в деревню, где объявилась шайка протестантов.

Холодный пот выступил на его лице и потек по складкам напрягшейся шеи. По военной привычке он положил руку на шпагу, намереваясь дорого продать свою жизнь.

– Пропустите его, – приказала Анжелика своим людям. – Капитан Монтадур мой гость... Если он будет вести себя вежливо, с ним ничего не случится *под моей крышей*, – добавила она с ледяной улыбкой.

Он вышел, потрясенный и напуганный. Приказал солдатам войти в замок. Теперь он не чувствовал себя в безопасности в этом уединенном жилище... Разбойничье логово под предводительством опасной самки, настоящее осиное гнездо, вот куда он попал!

От тишины парка, где летали совы, у него замирало сердце. Он поставил часового у дверей своей спальни.

Глава XI

В солнечном проеме дверей замаячили две юношеские фигуры, одетые во все черное.

– Флоримон! – воскликнула Анжелика.

– Флоримон! Господин аббат де Ледигьер! – повторяла она как зачарованная.

Они подошли к ней с улыбкой, Флоримон встал на колени и поцеловал матери руку. То же самое сделал и аббат.

– Но почему же?.. Кто?.. Как это вышло?.. Твой дядя сказал мне...

Вопросы теснились и перебивали друг друга. После удивления наступило чувство полной растерянности.

Аббат объяснил, что очень поздно узнал о возвращении мадам дю Плесси во Францию. Он вынужден был исполнить некоторые обязательства по отношению к господину маршалу де Ла Форсу, у которого после отъезда Анжелики служил помощником капеллана. Как только дела были закончены, он отправился в путь, остановившись по дороге в Клермонском коллеже, чтобы повидаться с Флоримоном. И отец Раймон де Сансе поспешил вернуть ему бывшего воспитанника, будучи счастлив, что для племянника нашелся попутчик, ибо Флоримон уже готовился отправиться в Пуату один.

– Но почему?.. Почему? – повторяла Анжелика. – Мой брат говорил, что...

Аббат де Ледигьер смущенно опустил длинные ресницы.

– Я так понял, что Флоримон им не нравился, и его отослали, – прошептал он.

Анжелика переводила взор с открытого лица аббата на своего сына. Она с трудом его узнавала. Однако это был Флоримон, но такой вытянувшийся и худой как жердь в своей черной ученической блузе. На тонкой, почти женской, талии, перетянутой ремнем, висели роговая чернильница и чехол с перьями. Двенадцать лет! Он скоро достанет ей до плеча. Свободным непринужденным жестом он откинул мешавшую ему прядь длинных волос, и она вдруг поняла, что поразило ее при виде сына. Он все больше походил на отца. Из детских черт, как из оболочки, возникал чистый профиль, немного впалые щеки, полные насмешливые губы. Лицо Жоффрея де Пейрака, каким оно было, несмотря на уродующие его шрамы. Его пышные, абсолютно черные волосы, казалось, стали вдвое гуще, а в глазах таилась веселая ирония, противоречившая спокойным манерам хорошего ученика.

Что произошло? Она не обняла его и не прижала к груди. Но ведь и он не бросился ей на шею, как это случалось раньше.

– Вы в пыли и, должно быть, устали, – сказала она.

– Действительно, мы утомились, – ответил аббат. – Мы заблудились и сделали напрасно не менее двадцати лье. Мы стремились избежать встречи с вооруженными шайками, наводнившими округу. Возле Шанденье нас остановили гугеноты. Им не понравилось мое церковное одеяние. Но Флоримон их успокоил, назвав ваше имя, и они наспустили. Потом на нас напали бродяги, которым просто хотелось заполучить наши кошельки. К счастью, при мне была шпага... У меня создалось впечатление, что в провинции очень неспокойно...

– Пойдемте перекусим, – повторяла Анжелика, понемногу приходя в себя.

Слуги засуетились. Они радовались приезду мальчугана, который долгое время жил в Плесси вместе со своим братом Кантором. Они быстро собрали на стол легкую закуску из фруктов и молочных продуктов.

– Возможно, вас удивляет, что я ношу шпагу, – продолжал аббат несколько жеманным и нежным голосом, – но господин де Ла Форс не выносит вида дворянина, пусть даже священника, без шпаги. Он получил от архиепископа Парижа право на ношение шпаги его капелланами дворянского происхождения.

Осторожно действуя вермелевой ложечкой, де Ледигьер также объяснил, что маршал желает и на войне ежедневно слушать такую же торжественную мессу, как в часовне своего замка. Поэтому иногда можно видеть красочные сцены, когда капеллан служит под стенами осажденного города и дым ладана смешивается с завитками дымов первых пушечных залпов. «Святой ковчег под стенами Иерихона», – в восторге замечал в таких случаях маршал. Вот у кого служил де Ледигьер в отсутствие той, с которой уже не надеялся увидеться и с которой встретился сегодня утром с непередаваемым чувством счастья.

Пока прибывшие подкреплялись, Анжелика отошла к окну, чтобы прочесть письмо отца де Сансе, привезенное наставником сына. Иезуит писал о Флоримоне. Ребенок не отвечает их стараниям, сообщал он. Ему не нравятся занятия, требующие напряжения ума, а возможно, ему попросту не хватает способностей. У него прискорбная привычка прятаться, чтобы изучать глобус и астрономические инструменты в часы занятий фехтованием, или скакать на лошади, когда в классе учитель математики. Одним словом, он не соблюдает основ школьной дисциплины, и, что чрезвычайно печально, его это несколько не трогает. На этом пессимистическом отчете письмо обрывалось без дальнейших объяснений. Анжелика подумала: «Я понимаю, что он хочет сказать». Она взглянула в окно и заметила, что листва парка желтеет, а боскет черешен всего лишь за несколько дней приобрел темно-красный цвет.

Пришла осень.

Все написанное служило пустой отговоркой. Флоримон не мог оставить коллеж без разрешения короля. Она снова лихорадочно перечла письмо.

– Вы должны тотчас уехать, – заявила она аббату. – Вам не следовало возвращаться и привозить сюда Флоримона.

* * *

Появление Мальбрана прервало возражения растерявшегося маленького аббата.

– Ну, сынок, что стало с вашей доброй шпагой? Не заржавела ли она, как и вы сами, за время ваших занятий всяким вздором? Но мы возобновим упражнения. Смотрите, вот три отличных клинка. Я наточил их для вас, потому как чувствовал, что вы скоро вернетесь.

– Мадам, что вы говорите, – прошептал аббат. – Вы не хотите брать меня на службу? Я же могу продолжать давать уроки латыни Флоримону и учить грамоте вашего младшего сына. Я рукоположен и могу ежедневно служить мессу в вашей капелле, исповедовать прислугу...

Он на удивление ничего не понимал. Его нежные глаза выражали обожание, тайно пролитые слезы, когда он думал, что она пропала навсегда, и безграничную радость вновь видеть ее живой и невредимой.

Разве он не заметил, как она изменилась под влиянием окружавшей ее опалы?

Разве не ощущает он угрозы беспорядков, общего напряжения в стране? Даже здесь, в этом замке, разве не почувствовал он атмосферу похотливости, ненависти и крови?

– Месса! Вы с ума сошли... Солдаты оскверняют мое жилище. Я пленница, я и сама унижена... я проклята...

Она говорила тихо, растерянно и почти бессознательно, глядя в глаза молодого человека с детским выражением лица, словно желая укрыться за его простодушием. На нежном лице аббата появилось серьезное выражение.

– Лишний довод, чтобы служить мессу, – мягко сказал он.

Аббат взял руку Анжелики и горячо пожал ее. В его прекрасных глазах светилось чувство бесконечного снисхождения.

Вдруг ослабев, она отвела глаза и потрясла головой, словно стряхивая тяжелую пелену.

– Ну что ж, – сдалась Анжелика, – оставайтесь... И служите свои мессы, дорогой аббат. Возможно, всем от этого станет лучше.

Наступило время возвращений. Через день вернулся из Италии Флипо. Он обучал началам французского говора сына итальянского синьора, выкупившего его в Ливорно. Верхом на муле за полгода он преодолел горы и долины. Из своей службы в богато украшенных дворцах на берегах Адриатики он вынес замашки комедийного слуги, экспансивного и говорливого. А за время странствий по заснеженным Альпийским перевалам, по деревенским пыльным дорогам Франции приобрел прокаленный цвет лица и широкие плечи. Он превратился в насмешливого красивого хитроватого парня-краснобая, который был бы на своем месте среди бродяг Нового моста.

– Почему ты решил не возвращаться в Париж? – спросила его Анжелика.

– Я заезжал туда, чтобы узнать о вас. Но когда мне сказали, что вы в поместье, я поехал сюда.

– Да почему же ты не остался в Париже? – продолжала расспросы Анжелика. – Ты такой расторопный, что нашел бы хорошее место.

– Я, госпожа маркиза, предпочитаю оставаться у вас.

– У меня, Флипо, все очень ненадежно. Король меня держит в опале. Ты ведь дитя Парижа, там тебе будет лучше.

– И куда же, госпожа маркиза, я должен податься? – отвечал с печальной улыбкой бывший обитатель Двора Чудес. – Вы вся моя семья. Вы были мне почти матерью в Нельской башне, когда защищали от побоев. Да я знаю себя: если вернусь на Новый мост, то снова начну срезать кошельки...

– Надеюсь, что ты избавился от этой дурной привычки?

– Ну, как сказать. Я ведь должен сохранять ловкость рук, раз достиг такого мастерства. А потом, чем бы я жил во время странствий?.. Но если постоянно живешь таким занятием, то это становится опасным. Когда мы были малолетками, во Дворе Чудес жил один старик – кажется, его звали папаша Юрлюро, – так он повторял нам по утрам: «Помните, малявки, что вы родились для виселицы». Уже тогда мне не нравилось это занятие. Да и сейчас не привлекает. Так, перехватить деньжат, это ладно, но я предпочитаю службу у вас...

– Ну, раз так, Флипо, то я с удовольствием тебя принимаю. У нас с тобой немало общих воспоминаний...

И в тот же вечер к замку подошел бродячий торговец вразнос. Служанка пришла сказать Анжелике, что человек хочет ее видеть от имени «ее брата Гонтрана». Анжелика побледнела и несколько раз заставила повторить имя. Человек сидел на кухне перед развязанным мешком и под восхищенными жадными взглядами челяди раскладывал галантерейные товары: ленты, иголки, цветные картинки, снадобья. И еще – все, что требуется для художников.

– Вы сказали, что пришли от имени моего брата Гонтрана? – спросила его Анжелика.

– Да, госпожа маркиза. Господин ваш брат, наш товарищ, поручил мне кое-что вам передать, когда я отправлялся в странствие по Франции. Он сказал: «Когда пойдешь по Пуату, зайди в замок Плесси-Бельер, что в округе Фонтене. Обратись к хозяйке и передай ей вот это от имени ее брата Гонтрана».

– Как давно видели вы моего брата?

– Да уж больше года прошло.

Все стало ясно. Он продолжал рыться в кожаном мешке, не прерывая рассказа о своем долгом странствии по землям Бургундии, Прованса, Руссильона, о длительных остановках в Пиренеях и на берегу синего океана. Наконец он извлек рулон, тщательно завернутый в промасленную тряпку.

Анжелика взяла сверток. Она распорядилась, чтобы прислуга хорошенько позаботилась о торговце, и заверила, что он как угодно долго может оставаться под ее крышей.

В спальне она вынула рулон из пакета. Раскатав его, она увидела необыкновенно живой портрет троих своих сыновей. На переднем плане находился Кантор с гитарой в руке, в зеленом костюме под цвет глаз. Художник сумел придать взгляду малыша свойственное ему выражение, одновременно задумчивое и веселое. Перед ней стоял он, ее исчезнувший ребенок. От него исходила такая жизненная сила, что в его смерть нельзя было поверить. Казалось, ребенок говорил: «Я никогда не умру».

Флоримон был изображен в красном. С каким предвидением придал ему Гонтран лицо сегодняшнего подростка: тонкость черт, ум, пылкость чувств. Его черные волосы создавали глубокое темное пятно среди ярких красок этой прелестной картины, подчеркивая и зеленый, и красный цвет, а также и розовые оттенки детских лиц, и шелковистое золото локонов маленького Шарля-Анри. Еще младенец, похожий на ангелочка в своих длинных белых одеждах, он находился между братьями. Его пухленькие ручонки старались коснуться рук Кантора и Флоримона, но те вроде бы не замечали этого. Торжественность несколько неподвижных поз подчеркивала какую-то символичность, мучительно стеснившую сердце Анжелики, словно художник – ах! кто может постичь глубины прозорливости души художника – хотел подчеркнуть различие их происхождения: двое старших на переднем плане, сыновья графа де Пейрака, смелые и словно озаренные светом жизни; и младший, немного позади, сын маршала Филиппа дю Плесси, дивно красивый, но одинокий.

От этого ощущения, щемившего сердце, Анжелика внимательней всмотрелась в изображение малыша. «Я знаю, на кого он похож, – пришло ей вдруг в голову. – На мою сестру Мадлон!» Однако это портрет Шарля-Анри. Тонкость мазков вдохновенной кисти придавала ощущение жизни неподвижному изображению. Рука, державшая эту кисть, уже бессильна. Смерть. Жизнь. Распад и постоянство. Забвение... Воскрешение...

Глядя на эту картину, Анжелика видела, как сквозь преломление призмы, мрачные и прекрасные моменты своей жизни, проходящие подобно теням облаков над землей, но также предчувствовала, что многое еще остается сокрытым.

* * *

Флоримон ни о чем не спрашивал. Он как должное, без комментариев, воспринял присутствие солдат в парке и капитана в доме.

Поведение Монтадура с той ночи, когда он подвергся угрозам со стороны слуг замка Плесси, складывалось из бессильной ярости, безмерного высокомерия и мрачной задумчивости. Он пропадал целыми днями, преследуя гугенотов, и поручал охрану замка лейтенанту. Но гугеноты разбегались по рощам, а на дорогах все так же находили тела драгунов. Тогда Монтадур приказывал повесить первого попавшегося крестьянина, и нередко им оказывался католик. При появлении капитана раздавались проклятия.

Он часто напивался. Тогда неясные страхи, смешанные с одолевавшим его неотступным желанием, выливались в буйные приступы ярости, он бегал по вестибюлю, размахивал шпагой, нанося удары по мрамору перил или по деревянным позолоченным рамам портретов предков семейства Плесси-Бельер, взиравших с высокомерным удивлением на действия этого пузатого пьяницы. Во время таких приступов солдаты предпочитали не попадаться ему на глаза. Он ощущал на себе взгляды слуг, притаившихся за полуприкрытыми дверями. Иногда его бред прерывался серебристым смехом маленького Шарля-Анри, которого забавляла Барба. Тогда он разражался проклятиями. Сначала он оплакивал свою собственную судьбу, но потом на него накатывалась ярость.

– Шлюха! – вопил он, задрав рожу вверх и глядя на верхнюю площадку лестницы. В своем состоянии он не мог преодолеть даже первых ступеней. – Не думай, мне хорошо известно, что ты шляешься ночами по лесу... в поисках мужика...

Анжелика не очень волновалась. Но как он узнал, что она бегала по ночам в лес? Речи капитана оканчивались сбивчивыми обвинениями, относящимися к ланям и колдовству... Однажды, когда Монтадур изрыгал свои вопли, он вдруг почувствовал резкий укол в зад и, обернувшись, увидел, что Флоримон попросту вонзил ему шпагу в мягкое место.

– Не мою ли мать имеете вы в виду, капитан? – спросил Флоримон. – Если это так, то вы должны дать мне удовлетворение.

Монтадур выругался и попытался защититься от быстрой шпаги подростка. Его помутившийся взгляд различал лишь выющую густую черную копну волос. Волчонок! И сама она волчица! Почувствовав, что ранен в руку, Монтадур выронил оружие и стал звать на помощь своих солдат. Те прибежали. Но Флоримон уже упорхнул, показав им нос.

После перевязки и полностью протрезвев, Монтадур поклялся, что изничтожит всех. Но приходилось дожидаться подкрепления. Его положение становилось критическим. Они оказались отрезанными от господина Гормá, а письма, которые он посылал господину де Марийяку, вероятно, перехватывались.

Несмотря на эту стычку, Флоримон, казалось, не представлял себе истинного положения дел. Он постоянно упражнялся в фехтовании со своим конюшим и наставником, охотился на белок и куда-то пропадал на долгие часы. Он сажал Шарля-Анри на плечи и скакал с ним по коридорам. И его звонкий смех вызывал удивление. Иногда он седлал лошадь, брал на седло Шарля-Анри и уносился в поля, не обращая внимания на часового, который делал слабые попытки его остановить, потому что не знал, каковы указания по поводу этого молодого господина-католика.

Однажды Анжелика застала сыновей в уголке гостиной. Флоримон сидел, а Шарль-Анри стоял перед ним в позе ученика, отвечающего урок. Старший раскладывал по стоящим перед ним тарелочкам порошки, которые извлекал из пакетиков с надписанными этикетками:

- Как называется это желтое вещество?
- Это сера.
- А это, серого цвета?
- Это кристаллическая калийная селитра, иначе натриевая селитра.
- Отлично, сударь. Вижу, что вы прилежны. А этот черный порошок?
- Это древесный уголь, который ты просеял через шелк.
- Прекрасно, но вы не должны говорить «ты» своему учителю!

* * *

Однажды поздним вечером возле замка раздался взрыв и что-то яркое устремилось в темноту и упало на лужайку перед домом в снопе искр. Солдаты с криком «Тревога!» бросились к ружьям. Монтадур в тот вечер отсутствовал. Распахнулись окна замка. И на всеобщее обозрение предстал вымазанный сажей Флоримон перед аппаратом собственного изготовления, а рядом – Шарль-Анри, в длинной ночной рубашке, который громко радовался успешному запуску ракеты своего «учителя».

Все рассмеялись, включая самих солдат. Анжелика хохотала так, как давно уже не смеялась. Смех облегчил ей душу, на глаза набежали слезы.

– Ах вы, мартышки! – вздыхала Барба. – С вами не соскучишься.

Казалось, с замка спало проклятие. Может быть, тому способствовали и мессы аббата Ледигьера...

На следующий день над башнями замка появился сокол, и Флоримон поймал его, как заправский сокольник. Вместе с аббатом де Ледигьером он принес матери послание, привязанное к лапке птицы. Взяв чехольчик, Анжелика покраснела. Маленьким ножичком она вскрыла его и извлекла листок бумаги. Крупным почерком Самюэль де Ла Мориньер назначал ей на следующую ночь свидание возле Камня Фей. Ну и наглец! С каким же презрением он к ней относится, если осмеливается давать такие указания... Такой приказ! Не считает ли он ее своей служанкой?.. Она не пойдет! И не станет им больше помогать... Она могла бы продолжать оказывать им помощь, но только не через Патриарха. А находиться с ним наедине в темном молчаливом лесу среди осенних запахов и речных туманов – нет, это невозможно. Как она поступит, если он посмеет к ней прикоснуться? Так ли еще велик страх, чтобы подавить странное влечение, возникшее в ее душе после того происшествия? Тщетно старалась она не думать об этом. Темный призрак склонялся над ней во сне, и она со стоном просыпалась.

Анжелика разрывалась между лесом, его властью, таящейся под деревьями, влекущей, как осенний рев оленя, и желанием замереть и не шевелиться.

Наступила осень, а она все еще не выразила своего подчинения королю. Но эмиссары, посланные арестовать ее, не смогут пробиться сквозь кольцо огня и стали, которое создал Патриарх на подступах к провинции. За стенами парка, где играли ее сыновья, насиловали женщин, жгли на полях урожай, бродили готовые на все крестьяне.

Флоримон и аббат де Ледигьер наблюдали за ней. Куда бы она ни направлялась, за ней следили вопрошающие взгляды их чистых глаз. Король хорошо понимал, что делал, когда отослал к ней Флоримона. «Дети всегда не к месту, – говорила повитуха. – Когда их не любят, они мешают, когда любят, они лишают сил».

Ранимость трепещущего измученного сердца. Средиземноморье наложило на Анжелику свою печать. Она считала, что зачерствела, но на деле чувствительность к страданиям стала лишь глубже под влиянием облагороженной мысли. Теперь все причиняло боль. Ее затягивали разбушевавшиеся силы, над которыми она была не властна. Осенним вечером, озаренным медным солнцем, над порыжелой листвой раздался призыв рога Исаака де Рамбура. У них был обговорен код посланий по их значимости. «Аллали!» означало «На помощь!». Аллали!..

– Мадам, надо пойти, – умолял Ла Вьолет. Он совсем запыхался, пока бегал в соседний замок. – Там женщины... Женщины из протестантской деревни Гатин... которых уже давно выгнали на дорогу, они совсем беспомощны... сейчас они укрылись у господина де Рамбура. Если Монтадур об этом узнает, они погибнут. Господин де Рамбур просит совета...

Анжелика пробралась в подземелье. Потом через лес она достигла заросшего сада на холме возле замка де Рамбура. Во дворе, у подножия донжона, прямо на земле сидели измученные женщины, прижав к себе исхудавших детей. Угрюмые взгляды, пыльные мятые белые чепцы. Они поведали баронессе о своих бесцельных блужданиях мимо враждебных католических деревень, где кюре требовали от прихожан соблюдать эдикт, запрещающий проявлять к ним хоть какое-то милосердие и чем-либо делиться, будь то хоть черствая корка хлеба. Они питались репой, украденной по ночам с полей, и подолгу жили в лесу. На них натравливали собак. Их преследовали солдатские патрули, которые располагались перед деревнями единоверцев и следили, чтобы местные крестьяне не нарушали эдикт. Под лучами палящего летнего солнца, под проливными дождями и под грозами скитались по дорогам женщины с детьми. Наконец они решили направиться в Ла-Рошель, бывшую столицу протестантов, где оставалось еще много их единоверцев и где им могли помочь, потому что там не соблюдался эдикт. За несколько дней они пересекли район, где хозяевами положения были отряды Самюэля де Ла Мориньера, и смогли немного отдохнуть на протестантских фермах. Но и там крестьяне бедствовали и еды не хватало. Пришлось идти дальше. Когда

они подошли к реке Вандея, они наткнулись на драгун Монтадура. Насмерть перепуганные, они убежали подальше от дороги. И вот они попали в западню: перед ними непроходимый лес, и здесь же оказался штаб главного мучителя протестантов. Из последних сил они дотащились до жилища Рамбура.

Сопливые отпрыски Рамбура, раскрыв от удивления рот, разглядывали прибывших. Анжелика заметила Флоримона, он стоял возле Натанаэля, старшего сына барона.

– А ты что здесь делаешь? Почему ты вмешиваешься в дела протестантов? – резко спросила Анжелика, испытывая за него страх.

Флоримон улыбнулся. В коллеже он привык не отвечать на упреки. Это выводит из себя. Баронесса де Рамбур, на седьмом месяце беременности девятым ребенком, раздавала женщинам хлеб. Черный черствый хлеб. Одна из дочерей помогала, неся следом корзину.

– Что нам делать, мадам? – спросила она Анжелику. – Мы не можем оставить у себя этих женщин, и кормить нам их нечем.

С рогом на плече подошел барон де Рамбур:

– Отправить их по дороге – значит обречь на верную смерть. Им придется обогнуть лес, и раньше, чем они доберутся до Секондины, их настигнет Монтадур.

– Нет, – ответила Анжелика. Она уже приняла решение. – Они должны пойти на Уклейкину мельницу, что на болотах. А оттуда на лодках добраться до владений господина д'Обинье, где окажутся в безопасности. Понемногу преодолевая озера – огородники помогут им перебраться, – они достигнут окрестностей Ла-Рошели. Там останется не больше двух-трех лье. А главное, все путешествие пройдет в стороне от проезжих дорог.

– Но как добраться до Уклейкиной мельницы?

– Напрямик через лес. Здесь всего два-три часа ходу.

Протестант скривился:

– А кто же их поведет?

Анжелика взглянула на усталые лица женщин с горящими темными глазами уроженцев ее провинции:

– Я.

* * *

Когда они вышли из леса, ноги погрузились в мягкий мох. Здесь начинались болота. По цвету они не отличались от травы, и казалось, что можно идти и дальше между стволами ольхи и осины, если бы лодки – так называемые плоскодонки, – привязанные к берегу, не выдавали водную поверхность. Анжелика привела с собой трех молодых слуг, чтобы помочь управлять лодками.

– Госпожа маркиза, не так-то просто будет погрузиться, – не скрывали сомнения местные парни. – У Уклейкиной мельницы все контролирует мельник. Он требует плату со всех, кто хочет пересечь болото, и всегда поносит реформатов, он их ненавидит. Ключи от лодок у него. Даже некоторые жители хуторов идут в обход, чтобы миновать мельницу.

– У нас нет времени. Это единственная возможность. Я сама поговорю с мельником, – скала Анжелика.

Они отправились задолго до наступления вечера, прихватив с собой фонари на то время, когда лес окутает темнота. Дети устали. Дорога казалась бесконечной. Когда они добрались до Уклейкиной мельницы, солнце уже село. В темноте раздавалось лишь кваканье лягушек да крики болотных птиц. От земли поднимался холодный туман, он проникал в горло, а в синеватой белизне понемногу расплывались очертания деревьев с корнями, уходящими под воду.

Но слева еще виднелась мельница, приземистая, оскалившая зубы мельничного колеса над спящей водой, покрытой кувшинками.

– Оставайтесь здесь, – сказала Анжелика женщинам, зябко прижавшимся друг к другу. Дети кашляли и с тревогой смотрели на незнакомые предметы.

Анжелика, шлепая по воде, подошла к мельнице. Она нашла трухлявый мостик, а сразу за ним – знакомый переход над водотоком. Рука нащупала шершавую стену, увитую вьюнком.

Дверь была не заперта. Мельник пересчитывал свои экю при свете свечи. Густая челка, ниспадающая на низкий лоб до самых бровей, подчеркивала выражение тупого упрямства. Одетый в серое, как все люди его профессии, в круглой бобровой шапке, он выглядел зажиточным человеком. На ногах красные чулки и туфли с металлическими пряжками. Поговаривали, что мельник очень богат, скуп и нетерпим.

Анжелика обвела взглядом деревенскую мебель, покрытую тончайшей мучной пылью. В углу стояли полные мешки. Пахло пшеницей. При виде знакомой комнаты Анжелика улыбнулась, потом прошла вперед и сказала:

– Это я, Валентин... Здравствуй.

Глава XII

Лодки двигались в темном туннеле. Впереди желтые круги фонарей едва освещали черное пространство ночи под пологом ветвей. Валентин, мужчина высокого роста, поминутно сгибался. Окликами на своем наречии он предупреждал других лодочников. Женщины успокоились, они перестали бояться, и уже слышался приглушенный смех детей. После стольких дней неизвестности в душах беглянок разливался покой. Покой неприступных болот. Ведь именно о болотах Пуату писал своей возлюбленной добрый король Генрих IV: «Здесь приятно в дни мира и безопасно в дни войны». Какой враг стал бы преследовать здесь своего противника? И если бы Монтадур решился на это и отправил солдат на плоскодонках, они бы вернулись обратно продрогшими и грязными, напрасно проблуждав среди проток и заводей, высаживаясь на берега, уходящие под ногами под воду, теряясь в лабиринте с зелеными или золотистыми – в зависимости от времени года – стенами, пробираясь зимой через глухое переплетение ветвей. Да еще вернулись ли бы! Этот мир огромных молчаливых пространств мог навсегда их поглотить. Немало безвестных тел покоится в стоячих водах ям для выращивания кресс-салата...

Мэтр Валентин, мельник, встал, когда его окликнула Анжелика. Казалось, он не удивился ее приходу. Под отяжелевшими чертами она разглядела лицо упрямого молчаливого подростка, толкавшего некогда шестом пирогу, чтобы отвезти мадемуазель де Сансе в свои болотные владения и уберечь ее от громогласных призывов пастушонка Никола: «Анжелика!.. Анжелика!..» Пастушонок с посохом бегал по лугу, а за ним бежали собаки и овцы.

Анжелика и Валентин, спрятавшись в тростниках, прыскали втихомолку со смеху, а потом бежали дальше, и призывы замирали, приглушенные зарослями ольхи, вязов, ясеней, ив и пирамидальных тополей...

Валентин срывал стебли дягиля – ангельской травы – и то сосал их, то нюхал. «Чтобы завладеть твоей душой», – объяснял он.

Он не был разговорчив, как Никола. Часто краснел и приходил в ярость. Непонятно почему, но протестанты вызывали в нем бешенство. Вместе с Анжеликой они подстерегали на перекрестках дорог детей-гугенотов, возвращавшихся из школы, и бросали им в лицо четки, чтобы услышать в ответ: «К черту!» Воспоминания нахлынули на Анжелику, пока под носом лодки с шорохом, подобным тихому дождю, разрывался ковер ряски.

Валентин все так же не любил протестантов, но его привлекали золотые экю, полученные от маркизы дю Плесси-Бельер. Он взял ключи и усадил женщин и детей в плоскодонки.

* * *

Порыв свежего ветра подсказал, что водная протока расширилась. Первая лодка уткнулась в твердую землю. Из-за деревьев показалась яркая луна. Она осветила жилище господ д'Обинье среди лужаек с высокой травой, окруженных ивами. Замок возвышался на одном из бесчисленных островков бывшего залива Пуату, основание скал которого омывалось некогда морем. Зимой вода доходила до первых ступеней большой каменной лестницы. Замок в стиле ренессанса, построенный человеком, которому нравилось отражение белых стен в бездонном водном зеркале, но, возможно, его также привлекала и неприступность выбранного места. При необходимости – жилище заговорщиков!

Залаяли собаки.

К прибывшим подошли слуги, потом, высоко держа подсвечник, появилась мадемуазель де Косм, кухня старого маркиза. С суровым видом она выслушала рассказ Анжелики о бедственном положении несчастных женщин, в основном вдов, которых она привела к ним в

надежде, что о них позаботятся и помогут переправиться в Ла-Рошель. Мадемуазель де Косм не одобряла вмешательства в дела реформатов такой сомнительной католички, как мадам дю Плесси. Разве не были широко известны ее приключения в Версале? Однако она пригласила ее войти и, пока крестьянки проходили в кухню, рассмотрела под длинной накидкой бумазейное платье Анжелики, которое та надевала для своих ночных вылазок, вымазанную грязью обувь на плоском каблуке и черный атласный платок, повязанный на волосы.

Старая дева вновь поджала губы, приняла вид обреченной мученицы и предупредила посетительницу:

– Здесь находится герцог де Ла Мориньер. Хотите ли вы его видеть?

Сообщение смутило Анжелику. Она почувствовала, что краснеет, и ответила, что не хочет тревожить герцога.

– Он прибыл сюда весь в крови, – прошептала мадемуазель де Косм, испытывая возбуждение от стольких событий. – Стычка с драгунами подлого Монтадура, он не смог отбиться и укрылся в болотах. Говорят, что его брат Уго захватил Пузож. Господин де Ла Мориньер выражал сожаление, что не может с вами встретиться.

– Ну, раз он ранен...

– Позвольте его предупредить.

Анжелику охватила дрожь. Но когда она услышала на площадке лестницы шаги Патриарха гугенотов, она выпрямилась и, пока он спускался, смотрела на него смело и твердо.

Герцог подошел к ней. Глубокая воспаленная рана пересекала его лоб. Она еще не зарубцевалась и отнюдь не смягчала его вида. Он показался ей еще выше, тяжеловеснее и мрачнее, чем обычно.

– Мадам, – произнес он, – я вас приветствую. – Он неуверенно протянул руку. – Остается ли в силе наш союз?

И под этим взглядом Анжелика отвела глаза. Она указала на кухню, через открытые двери которой пробивались отсветы очага и голоса успокоившихся протестанток:

– Вы же видите!

Она не предполагала, что происшедшее возле Камня Фей оставит в ней такой след, вызовет застенчивость и волнение. Неужели она подпала под влияние личности, которую некоторые ее современники считали способной околдовать вопреки вашей воле. Никто не смел ему перечить – ни братья, ни супруга, ни жены братьев, ни собственные дочери и племянники, ни дворовые, ни солдаты. Ему стоило только появиться. «Целиком преданный Богу, но вместе с тем было в нем что-то и дьявольское», – напишут об этом крупном протестантском сеньоре, яростно восставшем, хоть и на короткое время, против Людовика XIV.

Он не принес извинений. Возможно, в своей безмерной гордыне он чувствовал себя оскорбленным, что она не явилась на два его призыва?

– Пали Пузож и Брессюир, – промолвил он наконец. – Горожане нас приняли. Мы завладели оружием гарнизонов и вооружили деревенские отряды. Войска, которые господин де Марийяк оставил на севере, отошли на восток, и мы тотчас заняли их позиции в Гатине. Войска господ Горма и Монтадура отрезаны от своих, хотя еще и не догадываются об этом.

Лицо Анжелики просветлело. Она пристально посмотрела на герцога:

– Неужели правда? Я этого не знала.

– А как вам было это узнать? Вы ведь храните молчание.

– Так, значит, – словно для себя самой пробормотала Анжелика, – король... Король не сможет до меня добраться...

– Через несколько дней я выйду из болот и выгоню Монтадура из вашего поместья.

Она выдержала его взгляд:

– Благодарю вас, господин де Ла Мориньер.

– Так я прощен?

Эти слова, должно быть, стоили ему нечеловеческих усилий, потому что даже рана вновь начала кровоточить.

– Не знаю, – ответила она, отвернувшись.

Анжелика направилась к двери.

– А теперь мне пора возвращаться в Плесси, – прошептала она.

Он проводил ее до выхода, и они вместе спустились по ступеням. Когда она направилась в аллею, ведущую к пристани, он в решительном порыве обнял ее за талию:

– Мадам, прошу вас, посмотрите на меня.

– Осторожно, – прошептала Анжелика, указав в темноту, где в лодке ожидал ее мэтр Валентин.

Герцог подтолкнул ее за ствол ивы и под легким пологом ветвей обхватил своими узловатыми руками.

Та же смесь отвращения и желания заставила Анжелику напрячься. Да, любовь с этим Патриархом сулила нечто необычное и страшное. Об этом говорило тело. Она вцепилась в плечи гугенота, не понимая, отталкивает ли его или опирается как на незыблемую опору, столь необходимую в ее ненадежном существовании.

– Почему? – задыхаясь, прошептала она. – Почему нужно нарушать наш союз?

– Потому что вы должны быть моей!

– Но кто вы? – простонала она. – Я уже ничего не понимаю. Разве вы не тот молитвенный человек строгих нравов, каким все вас считают? Говорят, что вы презираете женщин!..

– Женщин? Да. Но вы... Под римским портиком вы явились Венерой. Я понял... Ах! Пелена спала с глаз... Ждать столь долго, целую жизнь, чтобы понять наконец, чего стоит женская красота.

– Но что такое я тогда сказала? Что такое сделала я в тот день? Разве мы не вели беседу о вашей борьбе за веру...

– В тот день... Над вами светило солнце, оно озаряло вашу кожу, ваши волосы... Я не могу этого объяснить. Просто я вдруг все понял. Женская красота.

Он немного отстранил ее.

– Я и вас тоже пугаю? Женщины всегда меня опасались. Признаюсь вам, мадам. Эта глубокая тайна, мой бесконечный стыд. Когда я входил к своей супруге, она, заламывая руки, умоляла к ней не прикасаться. Хотя преданно мне служила и подарила трех дочерей, но мне известно, что я внушал ей ужас. Почему?..

Анжелика знала ответ. Этого потомка мужчин, получивших, возможно, изрядную долю мавританской крови, этого сурового протестанта ирония судьбы или наследственность сделала любовником с буйным темпераментом.

Это объяснение Анжелики поразило его как громом. Значит, существует и другая сторона жизни, радости которой могут быть и ему доступны? Так как сначала, несмотря на силу своей красоты, она показалась ему слабой и беззащитной, то в нем разбушевались демоны сладострастия. Он рассчитывал на свою власть над ней и продолжал приказывать, хотя и боялся ее взгляда. Между ними началась изнурительная борьба обостренных чувств. Но сообщничество бунтарей скорее разделяло, а не сближало их. Они стремились к осуществлению своей бурной страсти с таким же упорством, как к необходимости истребления королевских солдат или как к открытому вызову повелителю королевства.

– Вы будете моей, – глухо твердил он. – Вы будете мне принадлежать...

То же заклинание короля. Тот же настоятельный торг.

– Возможно, когда-нибудь потом, – пробормотала она. – Не будьте грубы.

– Я не груб. – Его голос почти дрожал. – Не говорите так, как другие испуганные женщины. Я знаю, что вы не боитесь. Я подожду. Я сделаю все, что вы захотите. Но не отказывайтесь прийти, когда я позову вас к Камню Фей.

* * *

Анжелика сидела в лодке на соломе. Она чувствовала себя опустошенной, истомленной, словно только что в самом деле отдавалась этой неистовой страсти. А что будет, если она согласится?.. Анжелика тряхнула головой, чтобы прогнать невыносимые картины.

Ночь в лесу, черный охотник, преследующий ее, словно добычу, распластывающий ее на моховом ложе, наваливающийся своим огромным неловким телом. Она отбивается от его рук, от его удушающей бороды, отбивается до того колдовского мгновения, когда пробудившаяся плоть сменит чувство страха на наслаждение. И потом – полное забвение, прерывистое дыхание, стоны...

Она с измученным видом откинула назад голову. Волосы намokли от влаги. Но дождя не было. За лодкой возникал черный мраморный след, медленно исчезающий под молочной матовостью плотной водяной растительности.

Луна, словно огромная жемчужина в опаловом ореоле, озаряла мягким сиянием деревья и силуэт мельника Валентина, который, стоя на корме с шестом в руках, почти не отличался от стволов ольхи, склонившихся над водной протокой.

Сильный запах мяты говорил о близости берега. Иногда лодка касалась его, ветви царапали плоскодонку, но мельник не нуждался в фонаре, чтобы пробираться в этих зарослях. Желая избавиться от наваждения, Анжелика заговорила:

– Вы помните, мэтр Валентин? Вы уже были хозяином болот, когда повезли меня на ловлю угрей.

– Ну да.

– А та хижина, в которой мы варили уху и обедались ею, все еще на месте?

– На месте.

Анжелика продолжила разговор, чтобы избежать молчания:

– А однажды я упала в воду. Вы меня тогда выловили, я была вся покрыта водорослями, а в Монтелу меня еще и строго наказали. Мне запретили ходить на болота, а потом отослали в монастырь. Так мы больше и не виделись.

– Да нет. Еще на свадьбе дочери папаши Солье.

– Ах! Верно.

Она вспомнила.

– Ты нарядился в красивый суконный костюм и в вышитый жилет, – засмеялась она. – Ты стоял как столб и не решался танцевать.

Потом ей припомнилась рига, где она уснула, утомленная фарандолой. За ней проскользнул туда и Валентин. Он положил ладонь на ее юную грудь. Этот простоватый малый был первым посланцем страсти, приблизившимся к Маркизе Ангелов. Неуместность воспоминания смутила ее.

– А потом, – медленно говорил мельник, словно продолжая развивать свою мысль, – я заболел. Отец сказал: «Будешь знать, как ласкать фей!» Он отвез меня к алтарю Божьей Матери Милосердной, чтобы надо мной прочитали молитву для снятия чар.

– Из-за меня? – догадалась Анжелика.

– А разве не так? Вы ведь фея.

Анжелика промолчала. Ей стало весело, но мэтр Валентин оставался серьезным.

– Я выздоровел, хотя еще долго болел. Да так и не женился. Взял служанок. И все. Порча от фей, от нее просто так и не избавишься. Да и не так страдает тело, как сердце. Начинаешь чахнуть. А может, душа так и не поправилась.

Он умолк, и тишину наполнил шелковистый шорох раздвигаемой травы. Вдруг раздался писк жабы.

– Теперича недалеко, подплываем уже, – сказал он.

Лодка уткнулась в берег. Донесся запах деревьев и земли. Позади них причалили и остальные лодки, которыми управляли молодые слуги.

– Зайдете на мельницу, госпожа маркиза, выпить стаканчик вина?

– Нет, спасибо, Валентин. Дорога еще долгая.

Со шляпой в руках, он проводил их до лесной лужайки.

– Вон там, у старого дуба, вас поджидал пастух Никола с лесной земляникой.

Как странно, что звук голоса может пробудить детское сердце в теле женщины, пережившей столько разных событий. Перед Анжеликой возник образ кудрявого черноволосого подростка с горячими глазами, который держал в одной руке пастушеский посох, а в другой – ароматные ягоды. Он поджидал ее в своих владениях: на лугах и в лесах.

Она отстранилась от этого видения, поблекшего за годы жизни.

– Знаешь, что потом случилось с Никола?.. – спросила она. – Он стал бандитом, и его сослали на королевские галеры. А знаешь, как он умер? Он поднял мятеж, и офицер толкнул его в море...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.